

Георгий Скрипкин

Захватив в охапку ветер

Издательские решения
По лицензии Ridero
2018

УДК 82-3
ББК 84-4
С45

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Скрипкин Георгий

С45 Захватив в охапку ветер / Георгий Скрипкин. — [б. м.] :
Издательские решения, 2018. — 254 с.
ISBN 978-5-4493-9728-7

Это уже одиннадцатый сборник стихов Георгия Скрипкина. Они были написаны в 2018 году. Основные темы, затронутые в этом сборнике: стихи о Родине с гражданской позицией автора, пейзажная и любовная лирика, стихи для детей.

УДК 82-3
ББК 84-4

16+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4493-9728-7

© Георгий Скрипкин, 2018

На небо смотрю я с надеждой...

На небо смотрю я с надеждой,
надеюсь на солнечный луч.
Но небо в печальных одеждах
из старых, обветренных туч.

Я к ним обращаюсь с прошеньем —
отдайте мне солнце мое.
Готов рассылать всепрощенье,
но ветер шальной не дает.

Он лезет в сознание и душу,
пытается их остудить.
Его завывание слушать
мне долго еще предстоит.

В мыслях о былом

Календарь на стенке новый,
песни в мыслях о былом.
В блеске жизненной основы
снова тянет в отчий дом.

В нем не пышные застолья
с пестротой заморских блюд.
В уголочке скромный столик,
а вокруг знакомый люд.

Под селедочку «Столичной»
в самый раз нам пригубить.
С елкой праздник необычный
без желания грубить.

И родня заводит песню
про донского казака.
Не беда, что домик тесен,
выходи на трепака.

И певучее застолье
переходит в дробный пляс.
И душевное раздолье
так и светится из глаз.

Всего лишь робкие лучи...

Всего лишь робкие лучи
коснулись выпавшего снега,
как предрождественская нега
в мое сознание стучит.

Я забываю мрачность дней,
пришедших вместе с Новым годом.
Прощайте, прошлые невзгоды,
мне ясность помыслов важней.

Мне ближе солнечный рассвет
с его бодрящей силой света.
Я с ним готов порывам ветра
давать несвойственный совет.

И с наступленьем темноты
бежать туда, где солнце светит.
Где милый друг меня приветит
и скажет — нужен только ты.

Добрый непокой

Дашенька, Дашулька,
звонкий голосок.
Милая роднулька,
счастья родничок.
Весело воркует —
баба и диди.
Бабушка ликует,
дедушка следит.
На краю бассейна
внученька стоит.
Хлопает в ладоши
и в бассейн летит.
Плавает, как рыбка,
маленький сверчок.
Светится улыбкой —
страх, мол, ни при чем.
Просится на ручки,
ластится щекой.
Радостная внучка,
добрый непокой.

На детской площадке

Детская площадка греется на солнце.
Солнечные блики скачут с детворой.
Нет здесь места хмурым и печально сонным.
Радость хороводит с детской игрой.
Кто-то выбрал горку, кто-то на качелях,
Этот наловчился лазать по стене.
Весело кружится вместе с каруселью
тот, кто недотрогой жался в стороне.
Взрослых восхищает милое визжанье.
Светятся от счастья лица и глаза.
В воздухе летает чувство обожанья
И желанье браво солнышку сказать.

Три секунды

Три секунды — малая частица
в бурном море жизненных свершений.
И не каждый пробует решиться
сделать это время совершенным.

Три секунды — целая страница
в ярком содержании творенья,
Что в анналах может сохраниться
и звучать восторженным рефреном.

Три секунды — бремя испытаний
с полной концентрацией усилий.
Память, окрыленная мечтами
вкладывает заданную силу.

Три секунды — чистая победа
наших замечательных спортсменов.
И выходят новые полпреды
рыцарям советским на замену.

За полярным кругом

Ночь полярная окрасилась зарей.
Солнце в северные сени заглянуло.
Люди ожили заснеженной порой
и без робости светилу улыбнулись.

Улыбнулась даже брошенная тень.
Стали сполохи на сопках красоваться.
Подвигает ночь пока недолгий день,
но со временем он должен расстараться.

И расщедритя разбуженный рассвет,
распахнув копилку теплого дыханья.
И подснежники появятся на свет,
как предвестники лирических мечтаний.

Частушки

Я по Питеру прошелся,
много нового нашел.
С раскудрявой разошелся,
к разлохмаченной пришел.
Потрепал ее за лохмы,
подубасил по бокам.
Услыхал такие охи,
как погладил по ногам.
В наслажденье окунулся
и не думал выплывать.
Только к полночи очнулся
и узнал, как милку звать.
Не понравилось мне имя,
да и шалости не бест.
В тот же час мою взаимность
загасил коварный бес.

Завывание ветра

Ночью ветер не поет,
завывает.
Спать спокойно не дает,
возбуждает.
Только с ветром не резон
возбуждаться.
Лучше с милой перед сном
целоваться.

Ах, как сладок поцелуй,
просто прелесть.
Ты, ветрище, не ревнуй,
дуй добрее.
Вот и милая от ласк
разомлела.
Значит, любит без прикрас —
это дело.

Мой каприз

Я по лесенке бегу.
Вверх труднее, легче вниз.
Я быстрее еще могу,
только это — мой каприз.
Сверху я на всех смотрю,
а потом скорее вниз.
Там девчонкам нос утру,
так как это — мой каприз.
Но ступенька подвела,
я уткнулся носом вниз.
Вот такие вот дела,
может это — мой каприз?

Пару вкусеньких конфет

Внучка держится за ручку,
мы идем с ней на балет.
Я несу на всякий случай
пару вкусеньких конфет.

Целый час ей заниматься
у балетного станка.
Не грешно проголодаться,
жизнь артистки нелегка.
Только в строгом рационе
нет ни булок, ни котлет.
И не лишни в порционе
пару вкусеньких конфет.

Это — толика питанья,
а не признак баловства.
Кушай, милое создание —
говорят мои уста.

Веселящий снег

С ночи зимушка хлопочет,
укрывает снегом землю.
Ветер жаловать не хочет,
знать ему не до веселья.

Поубавила силенок
ветру матушка — погода.
Лег он скромно близ сосенок,
засмотрелся на природу.

А вблизи ожили дачи,
голосят ребячьим смехом.
Детки весело судачат,
им снежинки — не помеха.

И резвятся, что есть мочи
под игривым снегопадом.
Лепят снежные комочки
и играют до упаду.

Строят бабу из снежинок
и до ночи хороводят.
В небо множество смешинок
воздух бережно уводит.

Предвидение

Над миром зонтик из пугающих страшилок.
Витает в воздухе стратегия борца.
Земные ценности страдают от ошибок.
И есть предвиденье вселенского конца.
Последний разум заправляется в ракеты.
Тепло общения сменяет холод фраз.
И, если верить в поминальные приметы,
кровавым месивом заполнят парафраз.

В объятьях веры

Моим стихам отмерен долгий век.
Они цветут с Великою Россией.
Добреет с ними русский человек.
Душа от них становится красивой.

Звончей родник, что выпорхнул из недр.
Сочней трава на фермерском подворье.
Слабей вершит свои потуги ветер.
Морской прибой не злобствует на взморье.

И я готов надежду рифмовать,
Ей посвящая целые поэмы.
Легко в объятьях веры созидать,
Неся в народ восторженные темы.

Стоит солнцу выйти в свет

Стоит солнцу выйти в свет,
люди расцветают.
Краше видится рассвет,
льдинки страха тают.

К небу тянется трава,
птицы запевают.
В небо манит синева,
радости всплывают.

Распускаются в садах
сморщенные почки.
На сиреневых кустах
видятся цветочки.

Побежали по воде
солнечные зайки.
Счастье в радостной среде
вышло за хозяйку.

Уводит в осень листопад

Уводит в осень листопад,
уводит в осень.

А я весеннюю люблю
с глазами в просинь.

А я весеннюю тебя
возьму с собою

И отогреюсь на ветру
твоей любовью.

И будет желтый листопад
любовным ложем.

Захочет дождь нам помешать,
но он не сможет.

Нас будут птицы приглашать
из-за тумана.

И мы уйдем с тобой на крик
к далеким странам.

Туда, где неба синева
резвится в море,

Где виноградная лоза
спешит на взгорье,

Где нас не сможет разлучить
златая осень.

Там будем только я и ты
с глазами в просинь.

Черный пристав

Бессонной ночи черный пристав
меня под утро посетил.
Кричал, чтоб я родную пристань
хотя б в мечтаньях навестил.
Иначе будет брать проценты
с моих несбывшихся надежд.
Возьмет поэму за бесценность,
пока ее сценарий свеж.
Он в ритме слов ногами топал,
сурово мимикой грозил.
И без конца ушами хлопал,
тем самым мозг мне выносил.
Но тут повеяло рассветом.
Убрался пристав с темнотой.
Воспрянул я в объятьях света,
умылся светлой красотой.
Схватил перо и на бумаге
письмо на Волгу срифмовал.
Меня спасли дневные маги
и ветер, что письмо послал.

Кармен

На новой сцене Мариинки
блистала страстная Кармен.
Я восхищался по-старинке,
как настоящий джентльмен.
Смотрел влюбленными глазами
на современный антураж.
И разбирался с голосами,
что долетали в бельэтаж.
Цыганка пела не по-русски,
а я нерусского не знал.
Смотрел на титры с милой грустью,
жалел, что оптику не взял.
Мне оставалось отдаваться
бессмертной музыке Бизе.
В абсурдность смерти не вдаваться,
надеждой скрашивать сюжет.

Пушистая зима

По белому, пушистому шагаю в сапогах.
Глотаю небо синее с прохладой на губах.
Бодрящая мелодия струится из-под ног.
Мороз, манящий инеем, еще не слишком строг.
Березки элегантные накинули фату.
Душа у них не просится к зеленому листу.
Готовятся красавицы на снежный хоровод.
Пока не вышел во поле владыка вешних вод.
А солнышко игривое глядит в мои глаза.
От яркого сверкания повадилась слеза.
Течет она во здравие морозного денька.
Течет щекой румяною, как робкая река.
С морозцем вольно дышится на русской стороне.
Пушистое нашествие вдвойне приятно мне.
И я, ступая бережно в такую благодать,
Безветренную зимушку пытаюсь прославлять.

Затаенные черты непоседы

Раскрываю непоседы затаенные черты.
У него характер странный, он на месте не сидит.
На диване не ложится, не сидится за столом.
Он летает, словно птица, впопыхах стучится
лбом.
Сделать школьное задание для него сплошной
кошмар,
потому что он то встанет, то ухватиться за шар.
То за чтение возьмется, то к задачку летит.
То рисует, как придется, то за мячиком бежит.
В голове у непоседы каталог для многих дел.
Оттого конкретным делом он заняться не успел.
Оттого его таланты остаются не у дел.
Оттого избыток злости и один сплошной пробел.
Может быть, мешает гвоздик, что ютится кое-
где?
Может быть, пока не поздно, поддержать его
в узде?

Ах ты, зимушка-зима

Ах ты, зимушка-зима, снежная красавица.
Ты подкидывай снежок, чтоб не разонравиться.
На пушистый снегопад Дед Мороз не хмурится.
И выходит детвора во дворы и улицы.
Засыпаются снежком горькие колдобины.
И поступки у людей белым цветом сдобрены.
От подобной белизны чувства раскрываются.
И заветные мечты по утрам сбываются.

Сладкие обещания

Эй, хозяйка, доставай-ка из заначки кислых щей.
Я готов тебе отдаться, только ты сперва налей.
Подставляй скорее щечку и зовущие уста.
Наше дивное свиданье будет с чистого листа.
Подари свою улыбку, не закатывай глаза.
На подобное желанье тебе нечего сказать.
Лучше слушай мое сердце и отдайся в унисон.
Ты увидишь в страстном деле зажигательный
 фасон.
Улетим с тобою вместе в эротический вояж.
Промелькнет в твоём сознаний незабвенный
 антураж.
Подсластит мое стремленье поэтический елей.
Будет все, что я озвучил, только ты сперва налей.

Бесправие

На политической Голгофе
распяли правду, как Христа.
Враньем обмазанные профи
скупил теплые места.
Над сворой загнанных арбитров
глумится денежный мешок.
Носитель чести будет битым —
кричит назначенный божок.
И свора западных шакалов
вершит преступно-страшный суд.
По их бессовестным мордалам
им, к сожалению, не дадут.

Пагубное услужение

Противно видеть мир, смотрящий по-плебейски,
жующий компромат из лживого дерьма,
трактующий канон совсем не по-библейски.
В таком обличии мир не светоч, а тюрьма.

Бесправная тропа ведет на вымиранье.
Безмолвное добро курирует карт-бланш.
Преследует людей не божье наказание,
а взбалмошная цель с надеждой на реванш.

История гласит — такая цель опасна,
но разум все слабей в коварном море лжи.
И мысли не о том, как сделать жизнь прекрасной,
а только об одном — как лучше услужить.

Снежная баталия

Снегом белым и пушистым хвалится январь.
На церковной колокольне властвует звонарь.
Колокольные приветы слышатся окрест.
На заснеженной лужайке нет свободных мест.
Красит щечки у детишек добрый Дед Мороз.
На подобные рисунки есть огромный спрос.
И мальчишек, и девчонок радует мороз.
Даже маленькие детки не скрывают нос.
Получают из снежинок круглые снежки.
И сраженья превращают в гонки и прыжки.
От накала светлой страсти огонек горит.
Нет в той битве побежденных, дружба победит.

Разговор с ветром

Ты, ветрище, не гуди,
мою милку не буди.
Улетай-ка поскорей
в распрекрасный край морей.
Я бы сам туда убег,
если б милку бросить смог.
Только виды на любовь
будоражат мою кровь.
Как же милку не любить,
если та дает испить.
Да с соленым огурцом —
будь миленок молодцом.
А потом включает страсть,
в ней не трудно и пропасть.
И дарует поцелуй —
ты налево не балуй.
После ласки, как могу
милкин сон я берегу.
Так что ветер улетай,
под окном не выступай.

Испытание любви

Любовь сидит в моей душе,
меняет жизненный сюжет.
Я либеральничать не стал,
любовь на прочность испытал.

При всем народе, ясным днем
я испытал ее огнем.
Потом в аквариум нырнул
и сам едва не утонул.

Я выпускал любовь в мороз
и доводил ее до слез.
Дурманил ревностью покой
и говорил, что я крутой.

Пытался сбить ее в лесу,
пугал ущельем на весу.
В признание яду добавлял
и приставанья отвергал.

Но чтоб не делал с нею я,
меня манит любовь моя.
И понял я, что лучше с ней
встречать рассветы ясных дней.

Что за жизнь у нас настала

Что за жизнь у нас настала,
кутерьма, да канитель
Наших бьют, а нам все мало,
растудить твою качель.
Подставляем обе щечки,
получаем по зубам.
Наши робкие упреки
попадают прямо в СПАМ.
То наш вдох кому-то в тягость,
то на выдох есть запрет.
И на каждого сутягу
не найдешь иммунитет.
В общем, если разобраться,
нас ведут с пути на мель.
Не пора ли нам собраться,
да устроить карусель.

Жизнь чертовски интересна

Жизнь чертовски интересна,
но не всем.
Кто-то ладит с жизнью пресной,
без проблем.
Кто-то ищет грязный омут
помутней.
Кто-то липнет к гастроному
посытней.
Кто-то в деньги превращает
все вокруг.
Кто-то гадости вешает,
даже друг.
Кто-то крестится закону,
но не чтет.
Кто-то ставит нам препоны
и сечет.
Кто-то видит окруженье,
как царек.
Кто-то гнется в услужении
долгий срок.
Кто-то скажет — как же носит
их земля?
Пусть об этом каждый спросит
у себя.

К малой родине

Прости меня заросший палисад.
Простите заколоченные окна
За то, что вам приветы не писал
Из невского красивого далека.

За то, что на гранитных берегах
Не думал я про волжские просторы.
И места не нашел в своих стихах,
Надеясь, что приеду очень скоро.

По родине болит моя душа
И требует к околице вернуться.
А мысли возле Невского кружат.
От них мне невозможно отвернуться.

Смотрю на неба синеву

Смотрю на неба синеву
в глазах своей любимой.
И только счастье нахожу,
что верою хранимо.

Я так хочу, чтобы оно
не рушилось тревогой.
И потому о ней одной
склоняюсь перед богом.

Я без конца его прошу —
оставь в покое небо,
не дай расстаться с синевой,
с которой вышел в негу.

С которой заново восстал
из сумрачного ада.
О смерти мыслить перестал,
мне этого не надо.

Благословляю каждый день,
что с милой мне дается.
Звучит в ушах святая звень
и в сердце отдается.

Разговор о любви

Поцелуй меня подруга,
разгони мою хандру.
Я заветное колечко
на рассвете подарю.
Ну, зачем же ждать рассвета,
подари его сейчас.
Ты получишь от милашки
наслажденье высший класс.
Мне бы высшего не надо,
я и с первым перебуюсь.
Согласись, моя отрада,
я от счастья не сдержусь.
Не люблю неудержанье
за какое-то кольцо.
Мне приятней обожанье
не на раз, а на все сто.
Я колечко убираю
и в последний раз прошу —
спой мне страстной песней рая,
я ее не заглушу.
Не нашлось еще глушили,
кто б ослабил песнь мою.
Да и ты уйми-ка жилы,
я просящим не даю.

Я в березовый шелест уйду...

Я в березовый шелест уйду незаметно,
с наслаждением выпью живительный сок.
Безвозвратно оставлю плохие приметы
и мечтой отодвину назначенный срок.

Я щекой припаду к одинокой березе.
И за верность ее поделюсь с ней теплом.
Буду нежно шептать поэтической прозой
откровенье о том, как прекрасен мой дом.

Скорбь гитары Высоцкого

Судьбы моей вершитель,
мой самый верный друг.
Аккордов повелитель
покинул меня вдруг.

Вздыхает моя дека,
как робкая душа
Звучит у человека,
стараясь не мешать.

Не порванные струны
скучают по рукам.
Когда-то ночью лунной
играл он по строкам.

И песни вырывались
на жизненный простор.
Случалось, струны рвались
от выстрела в упор.

Порой они сбивались,
почувствовав обрыв,
Но снова собирались,
звучали на разрыв.

Я с ним в единой связке
взлетала до вершин
И не было отмазки
и поиска причин.

Когда борзые волки
пытались укусить,
Я их мотивом колким
старалась охладить.

И пела жестким ритмом
с поэтом в унисон.
Без спроса у элиты
сбирала стадион.

Теперь в большом расстройстве
по Вове плачу я.
Без всякого притворства
скорбит душа моя.

Мне больно видеть

Мне больно видеть, как мой друг
не тот источник выбирает
И ест из потных лживых рук,
все то, что недруги швыряют.

Все то, что гложет наш покой,
грызет житейские основы.
Все то, что тщетно испокон
стремятся вдеть в венец терновый.

Сильна предвзятая молва,
коварно пущенное слово.
И вот уже крушит волна
следы достоинства былого.

И вот уже ликует червь,
служитель яблока раздора.
И вот уже глумится чернь
над светом общего восторга.

Испытание блокадой

Фашистское ненастье
накрыло Ленинград.
Пожар людского счастья
увидел милый град.
Надолго затянулась
блокадная петля.
В тревогу окунулась
любимая земля.
Вползал в сознание голод,
студилась в жилах кровь.
Крошил людей осколок,
лишая мирных снов.
Ломалась твердь гранита,
корежилась Нева.
Огнем и динамитом
взрыхлялись острова.
Под вражеским прицелом
великий город жил.
Возвышенные цели
в сознании выносил.
Не думая о славе,
достоинство храня,
российский дух прославил
и вышел из огня.

Последнее слово памятника

Прощайте, люди добрые, прощайте
и с горечью меня не вспоминайте.
Я честно охранял людские души
от мерзкого последнего удушья.
Я много повидал на этом свете.
Ко мне тянулись взрослые и дети.
Несли цветы к бетонному подножью
и речи говорили осторожно.
Оплакивали горькими слезами
бойцов, что захоронены рядами.
Всех тех, что отдавали свои жизни
не только за спасение Отчизны.
Останки их укрыли пол Европы.
И смерти они приняли без пробы.
Их кровью оросилось поле жизни,
стонавшее под бременем фашизма.
И вот теперь бездушные уроды,
не лучшие посланники народа
с пробойниками тянут свои руки.
Я стойко принимаю эти муки.
К рассудку призываю, но напрасно.
Уже огня свечение погасло.
Прощайте, люди добрые, прощайте
и с горечью меня не вспоминайте.

Зимние мечты

Прогуляюсь босиком в чистом поле.
Подержу в руках туманную свежесть.
Расхрабрится моя рифма на воле,
окунется в васильковую нежность.

Уведет меня строка в запах лета,
где господствуют лесные солисты.
И ворвется вместе с солнечным светом
шорох музыки знакомый и близкий.

Я усилю этот звук звонкой песней,
распахну в порыве чувств свою душу.
И представится мне жизнь интересной,
потому что мир меня будет слушать.

Ветерок — мой лучший друг

Ветерок — мой лучший друг.
Он со мной играет.
Налетит на горку вдруг
и меня пихает.
А потом мы, вместе с ним,
смело мчимся сверху.
Этим робости хотим
закатить проверку.
Пусть не сдерживает нас,
жалуя трусишку.
Мы имеем про запас
смелые мыслишки.
Я качаюсь с ветерком
на больших качелях.
Нам не страшно кувырком
спрыгнуть с карусели.
Только поздним вечерком,
лишь по зову мамы,
расстаюсь с моим дружкой
я без всякой драмы.
Потому, что поутру
я с ним снова встречусь.
Ветром нос себе утру,
посажу на плечи.

Метель

Зима пришла к нам только в феврале.
Примчались вдруг февральские метели.
Мы снежного добра давно хотели.
Мечтали на снегу оставить след.

И вот свершилась давняя мечта.
Мы вместе с детством в белый снег нырнули.
Потом слепили фирменные пули
и стали их без устали метать.

Восторгом оглашался горизонт.
Пугались даже смелые вороны.
Сражались мы без всяких церемоний.
Да здравствует заснеженный сезон.

Да здравствует пушистая зима,
донесшая до нас кусочек счастья.
Неправда, что метель — дитя ненастья.
Она для нас заснеженная мать.

Мелодия вальса

С берез слетает желтый лист —
приемник мне пропел.
В меня мечтательный солист
с напевом залетел.
Я вновь увидел летний сад
с площадкой в уголке,
где каждый третий был бы рад
кружить рука в руке.
Где мне хотелось бы прижать,
но вальс не позволял.
И трудно было удержать
шаловой потенциал.
Ах, этот вальс, мой первый вальс
на согнутых ногах.
Я только раз увидел Вас
и взмыл, как божий птах.
В меня вселился страстный бес
с желаньем на устах.
Но милый образ вдруг исчез,
почувяв сердцем страх.
И вот опять я, как вчера,
грущу под старый вальс.
Прошла бесценная пора,
когда я встретил Вас.

Судьба назначила мне срок

Судьба назначила мне срок.
Сказала — будет тебе впрок.
Я ей перечить не посмел,
но и послушно не сидел.

Шальное время не считал,
стихами Музу улажал.
Ее от недругов берег
и тем оправдывал свой срок.

Я озарения не ждал,
терпеньем рифму досаждал.
Звучала музыка во мне,
а я глушил ее в вине.

И только рифма про любовь
всегда выискивала новь.
Я шел за нею, как слепец,
то в разгуляй, то под венец.

Я пересилил тайну мук
и гнет бесчисленных разлук.
И, забыв про данный срок,
любовью сдобрил свой итог.

Глухой наполовину

У соседа по площадке
есть сынишка маленький.
То он слышит, то не слышит,
будто дедка старенький.
Говоришь ребенку — здравствуй,
он проходит и молчит.
На любое замечанье
супит брови и ворчит.
Он не слышит, если «дай мне»,
отвечает на «возьми».
И протягивает руку
за конфеткой в тот же миг.
Оказать кому-то помощь —
эта просьба не к нему.
А любую безделушку
ему нужно самому.
Очень слышит — разрешаю,
но не слышит про запрет.
И, конечно, не желает
слышать дружеский совет.
В общем, глух наполовину
у соседа странный сын.
И поэтому нередко
ходит по двору один.

На невском берегу

Люблю послушать говор волн
на невском берегу.
Они вещают мне о том,
что в сердце берегу.

Их робкий плеск ведет туда,
где стаи голубей
гонял я в детские года,
а видел лебедей.

И мне хотелось вторить им,
умчавшись в небеса.
Там мой небесный Херувим
историю писал.

По истечении годов
сбылась моя мечта.
Я взмыл в объятья облаков,
когда пилотом стал.

Теперь сажу и вижу их
в сверкании невских вод.
Пищу с надрывом вольный стих
с названьем «небосвод».

Букет для мамы

Я цветочки собираю
возле дачи на лугу.
А, собрав, к любимой маме
я с букетом прибегу.
Будет он белеть ромашкой
и синеть от васильков.
Даже клеверную кашку
я в букет бы взять готов.
Только кашка вырастает
на коротком стебельке,
и поэтому, я знаю,
не удержится в руке.
А вот нежный колокольчик
я способен удержать.
Из-за леса вышло солнце,
нужно к мамочке бежать.

Я — сын земли...

Я — сын земли с названием Россия.
Я русский дух в наследство получал.
Слагалась быль не греческим курсивом.
Мой род славянством летопись писал.

Я берегу российскую прописку,
и не меняю русский на латынь.
И не хочу безнравственной отпиской
хулить отчизны выстраданный тын.

В моей душе российская глубинка
с ее певучим русским говорком,
с открытым взглядом цвета голубинка,
с не оскверненным ложью кошельком.

Там все надежно, искренно и чисто.
Там даже воздух звонок и певуч.
Там не в цене излишняя речистость,
ценней улыбки доброй светлый луч.

Ночной визитер

Я крепко спал в своей кровати.
В меня вселился сладкий сон.
Но под бочок, совсем некстати,
прилег какой-то теплый слон.

Точней не слон, а малый слоник,
размером с крупного кота.
И стала ночь моя бессонной
и очень чуткой неспроста.

С меня стянули одеяло,
потом задвинули на край.
Я получил тычков немало
и понял — кончен сонный рай.

Обида в теле копошилась,
но я сердитость победил.
Да и оно угомонилось,
прижавшись щечкой к груди.

Я уловил в ночи бессонной
дыханье малого дитя.
Лежал со мной совсем не слоник,
а внучка милая моя.

Пожелтевшая тетрадь

Пожелтевшая от времени тетрадь.
В ней сознание будоражащие рифмы.
Разливается по телу благодать,
слышу юности восторженные ритмы.

В них отчаянная вера в чудеса
и реальная надежда на невинность.
Пробиваются родные голоса,
воспевающие право на взаимность.

В них шальная какофония из чувств
и любви незрелой робкие напевы.
Я вмешаться в рифму юности хочу,
но не вычеркнуть решений скороспелых.

И не смоешь с пожелтевшего листа
привкус горечи мальчишеской ошибки.
Не вернуть в реальность юные лета,
не разбавить резкость доброю улыбкой.

Безбрежность моря

Безбрежность моря вижу я в твоих глазах.
Она смывает мою грусть волной лазурной.
И даже в полных светлой радости слезах
сверкает огненный восход любовной бури.

И я бросаюсь в этот бурный омут чувств,
заняв у юности былую бесшабашность.
С тобою вместе я в безумие лечу.
И мне остаться где-то там совсем не страшно.

За забавами в лес

Искрится на солнышке снежная взвесь.
В серебряном инее сказочный лес.
Скрипит под полозьями выпавший снег.
Лошадка уносится в новый забег.
На дровнях катается детский восторг.
Смешинки тревожат небесный простор.
Но небо с улыбкой глядит на детей
и ждет от проказников новых затей.
А детям легко поваляться в снегу
иль снежные комья лепить на бегу.
Бросается снегом веселая рать.
В безмолвном лесу не грешно поорать.
С деревьев встревоженный иней летит
и нежной картинкой на солнце блестит.
Но детям милей побеленный пейзаж.
Из снега творят озорной вернисаж.
В нем снежная баба и добрый Мороз.
Не тот, что хватает за вздернутый нос.
А рядом гора из больших куличей
и маленький зайчик, пока что ни чей.
На небе краснеет морозный закат.
Пора возвращаться, но каждый не рад.
Слетает восторг с раскрасневшихся лиц.
И ветер сдувает снежинки с ресниц.

Женщине с дитем под сердцем

Встречаю женщину с дитем под сердцем,
и мысленно ее боготворю.
Благодарю с особенным усердьем
и нежное признание дарю.

Не может быть достойней и прекрасней,
чем эта женщина, вкусившая любовь.
Не пожалею лучезарной краски,
чтобы украсить оду вновь и вновь.

Чтобы воспеть святое назначенье,
не пожалею солнечных слогов.
Питаю к ней особое влечение,
быть может то, что сходит от богов.

Быть может то, что с маминой подачи
впиталось в память трепетной души.
Быть может то, что с верою в удачу,
коварный недруг хочет заглушить.

Прогулка по Неве

Я шагаю по стреноженным волнам.
Под ногами корюшка резвится.
И идет по солнечным лучам
вслед за мной людская вереница.

В такт шагам скрипит февральский снег —
белый страж ледовой переправы.
Ветерок, как робкий печенег,
теребит очковую оправу.

И блестит на левом берегу
возрожденный шпиль Адмиралтейства.
Я по льду пройти к нему могу,
только мне милей другое действо.

По Неве давно я не гулял,
не топтал ее ледовый панцирь.
Я держусь за солнечный штурвал
и смотрю вдоль берега по-шпански.

В мою плоть вселилась благодать,
распахнула пламенную душу.
Всю любовь Неве готов отдать,
не боюсь, что та меня иссушит.

Мороз в феврале

Февраль с метелями расстался.
Пришел мороз в его удел.
Он не на шутку расстарался,
представив полный беспредел.

Трепал людей в обнимку с ветром,
румянил щеки и носы.
Глаза тиранил ярким светом,
сосульки вешал на усы.

Снабжал тела противной дрожью,
в умах прохожих сеял дрожь.
Оставив в прошлом осторожность,
в ночи продолжил свой кутеж.

Холодным ветром бил в окошки,
влезал в расщелины дверей.
И мстил совсем не понарошку
за теплоту минувших дней.

Волнение души

В последний день зимы мороз волнует душу.
В сознании моем всплывает отчий дом.
Я мамин голосок готов сегодня слушать
и с нею говорить серьезно о былом.

Родимое лицо в моих воспоминаньях.
Пугливая слеза стекает по щеке.
Уставшие глаза полны переживаний
и нежная любовь в ласкающей руке.

Я много бы отдал, чтоб длились эти ласки,
но ветреный мороз сознание холодит.
Я вновь не досмотрел сюжет волшебной сказки
и знаю наперед, что будет впереди.

Розовый рассвет

Окрасил розовый рассвет
начало мартовских вздыханий.
Любовных прелестей сюжет
заводит музыку мечтаний.

Сияют лики в небесах
для тех, кто видится влюбленным.
Искрится молодость в глазах
тех, кто годами побеленный.

Звончее песнь колоколов,
что возвещают о причастии.
И каждый чувствует без слов,
что тот рассвет приносит счастье.

Картинки из вагонного окна

По белому безмолвию летит мой пассажирский.
Мелькает целомудрие нетоптанных снегов.
Скукожились без зелени березки — старожилы.
и только сосны с елями не вешают голов.

Деревни успокоились под белым покрывалом.
Избушки трехоконные не светятся огнем.
Дымок из труб не веется приятным зазывалой.
Дворы пустые нежатся под солнечным лучом.

От солнышка лучистого искрят поля без края.
Рулоны сеном сбитые спешат за горизонт.
Смотрю в окно вагонное, и сердце замирает.
И слышится в сознании весенний перезвон.

Робкое дыхание весны

Весенней песней снег скрипит,
и солнце радуется весной.
Умерил ветер аппетит
и нежно манит за собою.

Небесной сини красота
уводит в смелые мечтанья.
Надежда с чистого листа
несет благие пожеланья.

Восходит вера — счастье есть,
оттают радостные чувства.
Весна любовь должна принести
и снять морозное занудство.

Предвыборная мишура

На майках носят — нет войне,
а в мыслях грезят бойней.
Завязли ложью во вранье
с фальшивкою убойной.

Швыряют гадости в страну,
что годы их кормила.
В упор не видят новизну,
на западе их милость.

Живут по принципу врагов —
чем хуже, тем им лучше.
С заокеанских пирогов
их речь сильней и круче.

Но я надеюсь на народ,
что выдержал лихое.
Он правду матушку поймет,
не выберет плохое.

Любимой женщине

Не зря вещают умудренные пророки,
что без любимой неуютен отчий дом.
Любимой женщине слагаю эти строки
и согреваю их особенным теплом.

В ее глазах я вижу чуткое томленье.
Из сладких уст ловлю душевные слова.
Моя любимая — источник вдохновенья,
который хочется с любовью воспевать.

Которым хочется безмерно наслаждаться
и только чувственным вниманьем наполнять.
С которым хочется гореть и возрождаться,
и о любви своей восторженно вещать.

Начало весны на заливе

Залив под толстой коркой льда,
но снег жует золотое солнце.
Лучи прожгут кору до донца,
и выйдет вешняя вода.

Ну а пока рыбацкий клин
хранит ледовое пространство.
Ловцов настойчивое братство
зевакам души веселит.

А их немало в теплый день
заливный берег оседлало.
Весны приятное начало
смывает с лиц смурную тень.

И я с распахнутой душой
иду по тверди побережья.
Внимаю отзвукам надежды,
что возрождается весной.

Радуга

Небо дышит радостью,
солнышко смеется.
Тороплюсь за радугой
я первопроходцем.
Невытерпел без мамочки
мне по ней забраться.
И без всяких саночек
с радуги промчаться.
На соседней улице
радуги начало.
Только небо хмурится,
радуга пропала.

Размышления Земли

Я вспоминаю мир, заполненный зверями.
Меня не утруждал их низкий интеллект.
Они росли в ладу с полями и лесами
и не плодили бед в течении многих лет.

Их врожденный инстинкт не рвал меня на части,
а жажда выживать не жгла леса огнем.
В спокойствии моем была их доля счастья.
И не было тогда намека на содом.

Но полчища пришли с высоким интеллектом.
Внедрились мне в нутро, загадили фасад.
И стали для меня красоты неба клеткой,
и превратилась жизнь в военный маскарад.

И топчут сапоги мою земную гордость,
и с рвением крушат мою земную плоть.
От их преступных дел камнями плачут горы.
Их ненависть и злость не сбыть, не побороть.

Смотрю на этот мир, и сердце замирает.
Оплакиваю жертв водой из родников.
И вспоминаю дни, когда была я раем
для мамонтов и львов, для вепрей и волков.

На качелях

На качелях я качаюсь
и на мамочку смотрю.
Но высоко не взлетаю,
так как мамочку люблю.

Только мамочка на свете
всех милее для меня.
От нее вкусней конфеты
и цветной картинки дня.

У нее светлей улыбка
и заботливей глаза.
Для нее я самый близкий,
даже если егоза.

Даже если непослушен
или очень говорлив.
Все равно ты самый лучший —
моя мама говорит.

Я бы с мамой покачался,
но качели для детей.
Вот минутку покачаюсь
и прижмусь щеками к ней.

Весна и ветер

Сменила зимушку весна,
но ветер взбалмошный остался.
Весной — красой очаровался,
ему, бедняге, не до сна.

То закружит пред ней юлой,
то к платью снежному прижмется.
То воем в трубах отзовется,
как безобразник молодой.

Спасая иней на ветвях,
ему деревья бьют поклоны.
А он трясет их непреклонно
у всей округи на глазах.

Но краснощекая весна
его затей не замечает.
Она улыбку излучает
восходу солнечного дня.

Выборы

Весенний день, людские ручейки
спешат заполнить праздничный поток.
Нам отставать, конечно, не с руки.
От нас зависит выборный итог.
И мы несем надежду на алтарь
и веру в то, что звездным будет путь.
Сплотились так, как собирались встарь,
стремясь достойно вырваться из пут.

Внучкина болезнь

Глазками больными смотрит на меня
хрупкое создание — внученька моя.
Я пытаюсь лаской взять ее болезнь —
Дай мне жар и насморк, только не болей.
Ей стихи читаю, мимикой смешу
и поведать сказку внученьке спешу.
Разные игрушки предлагаю ей.
Тигры и медведи стали мне родней.
Но больные глазки смотрят на меня,
за окном не видят солнечного дня.

Дарованная участь

Ну что бы делал я без вашего вниманья,
без теплой нежности и ласки ваших рук.
Все ваши действия полны очарованья.
От них блаженство разливается вокруг.

От них душа моя становится певучей
и горячей неудержимый поцелуй.
Я благодарен за дарованную участь,
в которой я — любимый друг, а не холуй.

В которой я готов страдать и вдохновляться,
хранить надежду и разбрасывать мечты,
любовным прелестям лишь с вами отдаваться
и воспевать источник страстной красоты.

Невинным жертвам

Не на войне считаем жертв.
Несем потери в мирной жизни.
И горем полнится фужер,
который кровью заслужили.

Пускаем дело на авось,
храним преступную халатность.
Скрипит с надрывом смертный воз
и множит жертвенную плату.

Кочует скорбь из края в край
моей измученной России.
Когда ж наступит светлый рай?
Когда же будет жизнь красивой?

Ответов жертвам не дадут.
Билет обратный не оплатят.
Проводим их в последний путь
и над могилами поплачем.

Огненные сны

Зимой мне снились радужные сны.
В них отражались радостные лица.
Но наступил холодный день весны,
и мне пришлось в стенании прослезиться.

Теперь мне снится огненный вертеп,
в котором гибнут детские надежды.
В котором горы обгорелых тел,
и с них огнями сорваны одежды.

И в них сердца уж больше не стучат,
слизало пламя милые улыбки.
Они во сне пронзительно кричат
и потому мой сон печально зыбкий.

Я просыпаюсь в огненном бреду.
Холодный пот струится в изголовье.
Тихонько в спальню детскую иду
и нежно глажу внучкину головку.

И снова слезы капаят из глаз.
И снова сердце бьется учащенно.
Простите нас, простите в крайний раз —
я обращаюсь к душам воскресенным.

В ожидании тепла

Весенний дождь тиранит снег,
стекает медленно с сосуллек.
Ручьи стремятся в свой разбег,
смывая зимний холод с улиц.

И, вместе с талою водой,
уносит пену хмурых мыслей.
Несет цветенье за собой
весна на теплом коромысле.

Живое пение скворцов
ласкает заспанные парки.
Они отходят ото снов,
с надеждой ждут денечков жарких.

Жара, конечно же, придет,
вот только тучи удалятся.
На небо солнышко взойдет
и будет людям улыбаться.

Солнечный кораблик

Раскрылось небо полной синевой.
Плывет по сини солнечный кораблик.
И я машу кораблику рукой —
плыви ко мне, меня теплом порадуй.
А приплывешь, останься надо мной.
Согрей лучами детскую площадку.
Ей было очень холодно одной.
Зимой мороз лютует беспощадно.

Не стреляйте в меня глазками...

Не стреляйте в меня глазками.
Не глушите мои нервы.
Не травите душу сказками.
Не бросайте зло — неверный.

Я тянусь к вам с бескорытием.
Я делюсь открытым сердцем.
В моем взоре только истина,
да любовное усердие.

За моей спокойной внешностью
разглядите порох страсти.
Обнимите меня с нежностью.
Ощутите телом ласки.

Ночной ветер

Ночью ветер завывал,
спать миленку не давал.
Он полночи возмущался,
а потом ко мне прижался.
И такое началось,
или мне привиделось?
Меня крепко обнимал,
тело страстно целовал.
Моей лаской восхищался.
Не сопел, не надрывался.
Улетала я не раз
то ли в негу, то ль в экстаз.
Я теперь молюсь на ветер.
Он — мой лучший друг на свете.
По ночам жду с нетерпеньем
его сказочное пенье.
Только редко он поет,
спать миленочку дает.

Клубок воспоминаний

Весна пришла, а мысли дремлют.
Звон ручейка не тешит слух.
Моим словам сады не внемлют.
К моей печали ветер глух.

Немой клубок воспоминаний
уводит в юные года.
Туда, где сполохи мечтаний
ласкали душу иногда.

Туда, где счастье голосило
и радость нежилась в груди.
Любовь была безумной силы
с большим желаньем впереди.

И вот теперь рисует время
палитру мелочных услуг.
Весна пришла, а мысли дремлют.
Звон ручейка не тешит слух.

Весна — пугливая шалунья

Весна — пугливая шалунья,
украсить землю не спешит.
Седой зимы ледовый щит
еще сверкает в полнолуние.

Еще терзают холода
полей проклюнувшие шири.
Еще лягушки не ожили
на глади зябкого пруда.

Но все теплее ветерок,
и все звончее птичьей трели.
На тропках лужицы прозрели,
глядят с надеждой на восток.

И вот уже летят лучи
от богом данного светила.
Весна улыбкой озарила
по-детски шумные ручьи.

У ручейка

Я сижу у ручейка, слушаю журчание.
Мне оттаявших снегов нравится звучание.
Вдруг откуда ни возьмись маленькая щепка.
Наклонился я к воде и вцепился крепко.
А потом из щепки той смастерил кораблик.
Пусть плывет по ручейку и с волной играет.
За корабликом слежу, вдоль ручья шагаю.
И куда он приплывет, я совсем не знаю.
Я и дальше б побежал, только маму жалко.
Вон сидит она одна на скамейке парка.
Лучше я вернусь к скамье, поцелую маму.
А кораблик пусть плывет хоть до ночи самой.

Некалка

Надо внучку — говорунью
Некалкой назвать.
В голоске моей шалуни
стало «нет» звучать.

Я всего лишь рот раскрою,
тут же слышу — нет.
Говорит она с сестрою —
нет и только нет.

Даже маму обижает
дерзким словом нет.
Словом папу раздражает,
дав ему ответ.

Брат боится внучку тронуть,
чтоб уйти от бед.
Воспитательницы стонут
от ее нет-нет.

Как спасти от нет ребенка?
Где найти ответ?
Может спрятаться в сторонке,
чтоб не слышать — нет?

Приход весны

Последние льдинки плывут по Неве,
унылые взгляды бросают на берег.
Прощальное плаванье нам не внове.
В зимы возвращенье никто уж не верит.

Пальто нараспашку, шарфы за плечо.
Шальные улыбки на радостных лицах.
От вешнего солнца в душе горячо.
На синее небо нас тянет молиться.

А льдинки плывут в свой печальный круиз.
Но нам почему-то совсем их не жалко.
Весны вдохновенье — желанный сюрприз.
Открытость Невы нам любовь предсказала.

Весеннее звучание

Еще вчера резвился снег
и стужа заворот щипала.
Лениво вьюга завывала,
а нынче солнечный разбег.

И вот уже бегут ручьи
по руслам сонных буераков.
И стаи птиц вступают в драку
за гнезда, что пока ничьи.

В ветвях деревьев и кустов,
задрав хвосты, танцуют белки.
Весны приятные проделки
вскружили тысячи голов.

И птиц особенный язык
несет волну очарованья.
Повсюду слышится звучанье
природой созданных музЫк.

Весенняя благодать

Зелень пробивается к солнечным лучам.
Холод унимается, не грозит садам.
Почки расправляются, пыжятся всерьез.
Полнятся синицами кроны у берез.

Дети благодарные тянутся к ручьям.
Тут вам и кораблики, здесь вам и причал.
Радует сознание, как приятный зов,
Громкое звучание детских голосов.

Ловит то звучание вскрытая Нева.
В водах отражается неба синева.
Чувства раскрываются после зимних бурь.
Благодать весенняя красит Петербург.

Ночные сумерки

В ночи растаяла вечерняя гроза.
От звездных россыпей зарделись небеса.
Ночные сумерки любовь боготворят.
Вплетают лирику в таинственный обряд.

Обворожительна глухая тишина.
Она пьянит сердца влюбленных без вина.
Не удержать в руках восторженный порыв.
Сближает чувственность, похожая на взрыв.

Спасибо ночь за сокровенное тепло.
За страстный зов, что с тишиною принесло.
Волшебный миг не смоем вешняя вода.
Ночная близость сохранится навсегда.

Храните жизнь

Храните жизнь, она бесценна.
Любите в жизни каждый миг.
Он с божьей помощью возник,
и в том его большая ценность.
Пусть сердечный метроном
стучит в одном душевном ритме.
Добро без усталости дарите
с гуманной мыслью о живом.
Добавьте нежности в глаза,
смотря на раненое детство.
Представьте юному наследству
свои родные образы.
Во мглу житейской круговерти
внесите теплые слова.
И возликуют синевы
на нашем небе, вы проверьте.

Наша кровь

В крови у нас не агрессивность,
не беспринципная мораль.
Ее не пользуют на лживость
иль на дешевую печаль.

Она разносит справедливость
из недр сердечной чистоты.
И не выносит говорливость
взамен душевной красоты.

Она пульсирует надеждой
на бесконфликтный, прочный мир.
И не сольется безмятежно,
когда ощерит пасть вампир.

А в час жестоких испытаний
спасет живительной волной
пророков добрых начинаний,
планеты жизненный покой.

Русская душа

Решительна, гуманна, хороша,
скромна и по-простецки бескорыстна.
Загадочная русская душа —
духовного тепла святая пристань.

Хранительница доброй красоты.
Носительница пламенных мечтаний.
В безоблачное завтра поводырь.
Защитница на время испытаний.

С друзьями бесконечно широка.
С врагами беспощадна и строптива.
Стремительна, как горная река.
Покладиста, как вспаханная нива.

Другой такой на свете не найти.
В сердечной доброте ее загадка.
Желаю ей счастливого пути
и благостных свершений без оглядки.

О счастье

Ты подскажи, как счастье мне найти —
спросил сосед, найдя удобный случай.
Или со счастьем мне не по пути?
И я сказал — со счастьем будет лучше.

Мне дарят счастье мамины глаза.
Ловлю я счастье в дочкиной улыбке.
Ласкает счастьем внучка — егоза.
Вещают счастье божеские лики.

И я иду счастливою стезей
в счастливый мир в счастливом окружении.
И охраняю благостной межой
семейный дух счастливых достижений.

Сосед зевнул и вымолвил сквозь зуб —
дорога счастья мне не по карману.
Вот если счастье даром привезут,
то я ему противится не стану.

Село Иваново

На крутояре возле Волги
стоит обычное село.
Бывал там в детстве летом долгим,
считал, что в этом повезло.
Гостил в избе у бабы с дедом,
вбирал их добрую любовь.
Гонял на велике с соседом,
да так, что вспенивалась кровь.
Дивился вкусом русской печки,
съедая вкусные дары.
Сбегал с дружкой к великой речке
и там спасался от жары.
А дед сажал меня за весла,
благословляя на улов.
И я спешил казаться взрослым
одним движением, без слов.
И было времени не жалко
ловить движенье поплавка.
Какое счастье на рыбалке
поймать плотву иль окушка.
А после вкусненькой ущицы
испить парного молока.
Когда подобное случится?
Теперь, наверно, никогда.

Пятигорск

В курортном окружении Машук
взирает на красоты Пятигорска.
Бескраен завораживающий круг,
заманчивы целительные горы.

Стекает минеральная вода
в бюветы пятигорского бульвара.
Когда-то здесь гуляли господа,
поэзия духовная звучала.

И был среди восторженных гуляк
поэт, чье имя в летопись вписалось.
Взмывал его рифмованный кулак
и искра возмущения вбивалась.

То Лермонтов к отмщенью призывал
за гибель одаренного поэта.
Гремел его стихов девятый вал,
и брошенный призыв не канул в лету...

...Ищу с волненьем скорбный обелиск
писателя с простреленною рифмой.
Кладу на всякий случай чистый лист
и ветку благодарственного ритма.

Эльбрус

Эльбрус — таинственный вершитель,
двуглавый праведник седой.
Не я твой бравый покоритель.
Не я твой преданный герой.

Ты ясным утром выступаешь
из недр ночного бытия
и в одночасье пропадаешь
в объятьях нежной дымки дня.

Ловлю прекрасные мгновенья,
любуюсь древностью вершин.
Стучится рифмы возрожденье
в мою обыденную жизнь.

И учащенно сердце бьется
при виде снежной белизны.
Его частичка остается
на склонах горной крутизны.

Березка

Березка — нежная подруга
манит зеленою листвою.
Она зовет меня, как друга
под летний полог озорной.

А там восторженное солнце
шекошет сонную росу.
Трава вздымается спросонья,
взбодрились иволги в лесу.

И я с волнением вдыхаю
прохлады сочный аромат.
Душой и телом отдыхаю
и не спешу идти назад.

Место дуэли Лермонтова

Машук, как мог ты допустить
свершение дикого убийства.
Рукой хмельного скандалиста
цветок поэзии загубить.

Иду с поникшей головой
на место взбалмошной дуэли.
Там только камни уцелели,
да дух поэзии святой.

Белые акации

Акаций белые подвески
луч солнца нежно обласкал.
Они, как скромные невесты,
вздыхают под приглядом скал.

Их белоснежную невинность
погладил робкий ветерок
и, не надеясь на взаимность,
в траве некошеной залег.

И я вошел в благоуханье
природой созданных невест.
Душа полна очарованья,
звучит мелодия окрест.

У вечного огня

Стою у вечного огня,
смотрю на камень обелиска.
На камне нет фамилий близких,
но надпись трогает меня.

Она уводит в те года,
где кровью полнились шинели,
где люди гибли от шрапнели
иль пропадали без следа.

Где наша русская земля
в огне корежилась от боли.
Где героизм великой воли
бросали в жертву, не деля.

И подступает к горлу ком,
и благодарность не сдержать мне.
Вот вам мое рукопожатье,
зовите впредь меня сынком.

Июньская осень

Шальная осень прилетела
на летнем ветреном крыле.
Аллея парка опустела.
Печаль на парковом челе.

Порывы северного ветра
тиранят сочную листву.
И будто злое чудо света
закрыло в небе синеву.

То ливень падает на плечи,
то град по нервам бьет сполна.
Природный бог, зажгите свечи,
добавьте знойного вина.

Негоже летом измываться
над белой поступью ночей.
Не ждите радостных оваций
и пылких пафосных речей.

Сюжеты из прошлого

Всплывают сочные сюжеты
в воображении моем.
Я вижу мимику и жесты
девиц, в которых был влюблен.

Я вижу радостные лица
и загорелые тела.
Тогда не мог остановиться,
пока любовь не отцвела.

Порывам страсти отдавался
и, без сомненья, всякий раз
в коварных взглядах растворялся
и упивался синью глаз.

За эти чудные мгновенья
готов был платы не жалеть.
Делился самым сокровенным,
не убоившись умереть.

Подленькое превращение

Скворцы покинули гнездовье
и превратились в воронье.
Их черный ворон лестью сдобрил,
свернув сознание на вранье.

И полетели злые стрелы
в обитель прежнего гнезда.
И что считалось раньше белым,
теперь сплошная чернота.

Не так спасли, не тем кормили,
не в ту свободу повели.
Своей заботой утомили,
до вымиранья довели.

И чем щедрее платит ворон,
тем громогласней воронье.
Тем комедийней и зловонней
в своей ничтожности оно.

Лжепатриот

В речах пророков поминая,
к заветам их не прибегает.
С ухмылкой Родину пинает,
ее погибель предрекает.

И, упиваясь красноречьем,
язык коверкает нещадно.
Язык великий, человеческий,
а не какой-нибудь площадный.

Кричит о праве на свободу,
свободу ближних попирая.
В словах печется о народе,
на деле грезит вымираньем.

Такой крикун страшнее бомбы,
опасней залповых раскатов.
Об этом нужно знать и помнить,
и не считать его собратом.

Храни меня...

Храни меня, мой милый ангел,
не дай растаять в тишине.
Я равнодушьем тяжело ранен.
Побудь со мной, прижмись ко мне.

Послушай новую поэму
об удивительной стране.
Не осуждай мою фонему
с кричащей истиной в вине.

Мы в ту страну уйдем под вечер,
зажжем заветную свечу.
Я негой ласк украшу встречу,
свое признание прокричу.

Ах, как красивы...

Ах, как красивы заграничные обертки.
Как громогласна забугорная молва.
Но мне приятней образцы российской сборки,
моей глубинки задушевные слова.

И потому, что я Россиюшкой заполнен,
в которой сердцем слышу чистый перезвон,
не променяю звонаря на колокольне
на самый лучший европейский карильон.

Небесный художник

Какой-то сказочный художник
картины пишет в небесах.
Я вижу дом, где спрятан дождик,
иль снежной шхуны паруса.

Я вижу ангельские перья,
что отделились от крыла
и божий лик, в который верю,
но вера та еще мала.

Я вижу в облачной оправе
моей подруги нежный взгляд.
Его художник чуть подправил,
и получился перегляд.

Какое чудное мгновенье,
но быстротечен вернисаж.
Художник солнечным движеньем
меняет созданный пейзаж.

Воспоминания о любви

Любовь в словах, любовь в движениях,
любовь в разбуженных мечтах.
Какое чудное брожение
восходит в юных головах.

Его порой не понимаешь,
или не хочешь понимать
и почему-то замолкаешь,
когда «люблю» пора сказать.

От напряженья сводит скулы
и будоражит тело дрожь.
Ах, не целуйте меня в губы,
иль Вам сегодня невтерпеж?

А взгляд предательски выводит
другую нежную мольбу.
Она в беспмятство уводит,
и тем влияет на судьбу.

Футбольная радость

Футбольный мяч мы, наконец-то, обуздали,
открыли перечень заслуженных побед,
каких соперники от нас не ожидали.
И это лучший для болельщиков ответ.

Гудят в восторге стадионные трибуны.
Российский стяг накрыл футбольные поля.
Лихие возгласы фанатов не сумбурны,
они кричалками нам души веселят.

И вместе с ними хороводит вся Россия.
За нашу сборную болеют стар и млад.
И эта «боль» несет заряд душевной силы,
которой любящий Россию очень рад.

Глаза в глаза

Глаза манят озерной синью,
а я читаю им стихи.
Взлетают рифмы с новой силой,
но их мелодии тихи.

Я нежный стих шепчу губами,
с каких не высох поцелуй.
Биенье строк ложится в память
подобно вешнему теплу.

И учащено сердце бьется
под ритм любовного стиха.
В озерной сини отдается
любовью каждая строка.

Не нужно...

Не нужно надевать парик,
когда лохматятся кудряшки.
Когда счастливая мордашка
над бездной жалости парит.

Не нужно прятать милых глаз,
когда из них лучится радость.
Когда раскрывший чувства праздник
случился только в первый раз.

Не нужно попусту жалеть
о том, что с нежностью свершилось.
Прими за счастье божью милость,
храни бесценный амулет.

Унисон

Унисон в слезах и смехе,
унисон в биении сердца.
Прочь ничтожные помехи.
Да восторженному скерцо.

Да любовному порыву
с нежным вкусом озаренья.
Пусть любовь подобна взрыву,
но без права пораженья.

Пусть романтика открытий
не страшит хмельную душу.
И тогда не будет рытвин,
у которых вдруг я струшу.

Залетный ветер

Кудряшки зелени ласкает теплый ветер,
играет бережно с податливой листвою.
Он повидал лесных невест на белом свете,
но возвратился за березовой красой.

Ему милей всего российская береза
с ее естественной и нежной белизной.
Он вытирает ей нахлынувшие слезы
и приглашает за заветною мечтой.

Но приросла береза сильными корнями
к родным просторам милой матушки — земли.
Ей не дано увидеть чудо за морями,
любовью ветра свою душу исцелить.

И нежный ветер, став жестоким ураганом,
сорвал с ветвей ее зеленую листву.
И полетел, прослав заморским хулиганом,
бросая гневные проклятья на лету.

Футбольная волна

Кипит футбольною волной людское море.
И ветер треплет транспаранты разных стран.
Кого-то радость теребит, кого-то горе,
но дух общения приятен, как дурман.

Футбол сближает города и континенты.
Идет смешение проблем и языков.
И вместо пушек громышают комплименты,
и льются песни вместо скрежета оков.

Вы не поверите, но это так бывает,
кружатся голуби над нашей головой.
Земля от дружеских улыбок расцветает,
и небо радует нас мирной синевой.

Отгулял я нынче...

Отгулял я нынче, братцы, отгулял.
Соскочил я нынче, братцы, с пьедестала.
Торговать судьбой моя душа устала.
Я нашел свой облюбованный причал.

На причале есть желанная постель.
На причале ждет любимая подруга.
Я ушел из заколдованного круга,
где господствует не жизнь, а канитель.

Где ласкает не любовь, а маята
под дырявой крышей нудного соблазна.
Где пьянит сознание видимая праздность,
отменяя чувства с чистого листа.

Я смотрю теперь в любимые глаза,
я живу теперь единою судьбою.
И все это называется любовью,
той, что с нежностью даруют небеса.

Новое рождение

Его еще никто не видел,
под женским сердцем он сопит.
Частенько маму теребит,
ему тесна его обитель.

А мама нежно говорит —
какой настырный торопыжка.
Уймись скорей, моя малышка
хотя б до утренней зари.

И затихает до утра
едва оформленное тельце.
Ему тепло под женским сердцем.
Ой-ой, пришла его пора.

И раздается детский крик —
вещатель важного рожденья.
Сердечка частое биенье
о новой жизни говорит.

Июльский зной

Июльский ветер жаркими крылами
смахнул прохладу с невских берегов.
Небесный свод расстался с облаками,
и солнце гладит прелесть куполов.

Парит жара над Мойкой и Фонтанкой,
зной притулился в парках и садах.
И только свежесть питерских фонтанов
вбирает град, как божью благодать.

Он непривычен к жаркому набегу,
ему милей прохладный ветерок.
Он заскучал по праздничному снегу,
по белизне заснеженных дорог.

Мона Лиза

Ты исполняешь чьи-то грезы
лицом невиданной красоты.
Цветок, вобравший прелесть розы
и свежесть утренней росы.

Твою загадочность улыбки
никто не может разгадать.
И часто делают ошибки,
пытаясь с нею флиртовать.

Тепло застенчивого взгляда
едва касается крылом.
И ты не видишь то, что рядом,
и забываешь о былом.

Такая сила притяженья
подвластна чистой красоте.
Шедевр эпохи Возрожденья
да Винчи создал на холсте.

Быстротечное лето

Тепло пришло в мой край без выбора.
Страхнуло влажную усталость.
Вбираю солнце всеми фибрами.
Хочу, чтоб лето не кончалось.

А дни летят орбитой заданной,
мелькают жизненные даты.
И календарь, подобно жадине,
не хочет числами раздаться.

Куда спешишь ты — солнце ясное.
Побудь со мной еще немножко.
Ночную тьму спишу я в разное,
спишу хотя бы понарошку.

Какая прелесть это лето

Какая прелесть это лето.
Все как в божественной стране.
Жарища днем у нас, не где-то,
а ночью дождик не во сне.

С утра сияет куполами
дождем умытый Петербург.
И под сведенными мостами
Нева наращивает спурт.

В ее волнах резвится солнце,
пуская зайчиков в гранит.
Ласкает воздух невесомый
холодный блеск гранитных плит.

Манит чугуною оградой
раскрывший зелень Летний сад.
В глазах людей читаю радость
и сам теплу безмерно рад.

Неугомонная душа

О людях, сгорбленных печалью,
душа пронзительно кричит.
Ее с любовью повенчали,
и потому она болит.

И потому она трясется
над каждой маленькой бедой.
И не всегда ей удается
быть безмятежно озорной.

Душа без слов обиду чует,
спешит смягчить ее каприз.
От одиночества врачует
и уменьшает горечь тризн.

Она излечивает раны,
что продолжают донимать.
Ее ретивое старанье
мне в одночасье не унять.

Наше поколение

Мы другие читали книжки
и другое смотрели кино.
Набивали другие шишки,
распивали не то вино.

Мы тогда о другом мечтали,
без сомненья к другому шли.
Безрассудность понять пытались,
но обман принять не могли.

Мы терпением себя пытали,
выбирая нелегкий путь.
И сильней в одночасье стали,
отказавшись с него свернуть.

Я многое отдам...

Я многое отдам за женскую улыбку.
Я многое отдам, чтоб слезы не текли.
Иначе господа, вы сделали ошибку
в тот день, когда меня поэтом нарекли.

Свой чувственный запас отдам я без остатка,
чтоб женские глаза светились добротой.
Украшу певчий мир душевною кантатой
с аккордом восхищенья женской красотой.

Без женского тепла цветенье невозможно.
Без нежности людской покроет мраком мир.
Несите свет любви к любимой осторожно.
В объятиях ее цените каждый миг.

Святая женщина моя

Святая женщина моя,
подруга дней моих последних.
Меня спасаешь от огня,
что иссушил меня намедни.

Я загасил его слезой,
что по щеке твоей катилась.
И небо, звавшее грозой,
в обитель солнца превратилось.

Твоей улыбкою согрет,
твоим вниманьем окольцован.
Тобой, мой милый оберег,
я бесконечно очарован.

Благодарю тебя за все,
свое колено преклоняю.
Совместной жизни колесо
теперь держу, не ускоряю.

Взбалмошное солнце

Лета жаркие объять,
неба синева.
Мог бы многое отдать я
за дождливый вал.

Только тучи задержались
в дальней стороне.
Солнце взбалмошное жарит —
это не по мне.

Без воды — большое горе
и сплошной мираж.
Для такого солнца море
будет в самый раз.

Жара

Умчался ветер вместе с облаками.
Шальное солнце в небе разгулялось.
Ушел бы в тень от зноя даже камень,
но для него и тени не осталось.

Не бьет волной унылая Фонтанка,
несет покорно солнечные блики.
Ее гранит, нагретый спозаранку,
лишь поддает тепла неторопливо.

Жара ползет по улицам и скверам.
И на людей ложится тяжким грузом.
В умах плодится бездна суеверий,
а это есть никчемная обуза.

Я ухожу в березовую рощу

Я ухожу в березовую рощу
на нежный шепот ласковых красавиц.
Моя душа хмелеет, а не ропщет
и распевает лешему на зависть.

Привет, мои родимые березы,
позвольте русским духом надышаться.
Позвольте с придыханьем колкой розы
хотя бы на мгновенье распрощаться.

Приглашение в осень

Нестройным клином птицы полетели,
спешат сменить на южный берег Русь
В твоих глазах слезинки заблестели.
Хочу читать в них радость, но не грусть.

Пойдем скорее в осень золотую
и пошуршим березовой листвой.
Пока ветра их в зиму не задули
и не укрыли шалью снеговой.

Мы вспомним там про первое свиданье,
что нам когда-то осень принесла.
И окунемся в то очарованье,
в лучах какого жизнь вдруг расцвела.

Ангел-хранитель

Синевой взирает небо
на Петровский град,
И такому любопытству
град безмерно рад.

Купола церквей и храмов
золотом горят.
Катера на невской глади
вышли на парад.

Скутера у невской Стрелки
приглушают звук.
Петропавловский хранитель
смотрит на Неву.

Силу пристального взгляда
знает Петербург.
Этот взгляд его спасает
от житейских бурь.

Он хранит налет столетий
в парках и дворцах.
Он навечно поселился
в питерских сердцах.

В Михайловском саду

В Михайловском саду
бродили мы не раз.
Сидели у пруда,
мечтая о прекрасном.
Струился добрый свет
из восхищенных глаз.
Я видел в свете том
созвездье буйной страсти.

Но осень эту страсть
смахнула ветерком,
упрятала следы
под желтую листвою.
Валяются в пыли
унылым лепестком
душевные мечты,
что связаны с тобою.

Невская регата

На фоне Зимнего дворца,
под боком невской Стрелки
выходят яхты из ларца
неугомонной речки.

Армада белых парусов
парит над водной гладью.
Порывы северных ветров
дерзят, но с нею ладят.

Глядят на гонку с высоты
Ростральные колонны.
Летит до финишной черты
азартная колонна.

Лихой маневр, удачный спурт,
и вот они — просторы.
Дождем умытый Петербург
приветствует призеров.

Я август тороплю...

Я август тороплю, хочу скорее в школу.
Соскучился по классу и друзьям.
Я знаю, что сентябрь окажется веселым,
терпимым к возбужденным голосам.

Друзьям я расскажу про летнюю рыбалку,
про первый удивительный улов.
Про дачную стрельбу с активной перепалкой,
про сотни непропущенных голов.

Еще я расскажу про скошенные травы.
Я скашивал, а папа помогал.
Как с мамой в парнике работали на равных,
как бабушке услуги предлагал.

Как грядки боронил тяжелыми граблями
и был на корневища очень зол.
Водил дедулю в лес за белыми грибами,
но белых, к сожалению, не нашел.

И я теперь живу единственной мечтой —
желаю, чтобы осень к нам пришла.
Я знаю, что друзья поделятся со мною
рассказами про летние дела.

Моей душе легко сегодня

Моей душе легко сегодня.
Моя душа желает петь.
Мой певчий лайнер всепогодный
не даст в печали захиреть.

Лечу над милою Россией,
пою про нежный шум берез,
про то, что нет ее красивой
в местах снегов и южных грез.

Лечу над древним Ярославлем,
пою векам прошедшим песнь.
И в песне той Отчизну славлю,
несу в народ благую весть.

Лечу над славным Петербургом,
пою красой рожденный гимн.
Зову его великим другом,
а друг в душе моей один.

Долой капризы непогоды,
открой судьба печали клеть.
Моей душе легко сегодня.
Моя душа желает петь

Клубок сомнения

Как трудно добрыми словами
взломать людскую глыбу зла,
так сложно биться с сатанами,
когда уверенность мала.

Клубок сомнения уводит
в пучину страшных перемен,
где гневный гений хороводит
и сеет зло добру взамен.

Где на руинах процветанья
родится взбалмошный ковыль.
Где добродетель станет тайной,
а бессердечность включают в быть.

Ревность

Я, уходя, невольно обернулся
и к солнышку тебя приревновал.
Ну почему оно к тебе вернулось
и беспардонно гладит твой овал.

Ну почему ощупывает груди
и согревает их своим теплом.
А вдруг оно лучом тебя разбудит,
а вдруг поранит огненным челом.

И я к любимой спешно возвращаюсь,
дарю с любовью долгий поцелуй.
И в упоенье каюсь, каюсь, каюсь
и до забвенья ложе с ней делю.

Единственная

Души моей единственная нота.
В букете чувств единственный цветок.
В большой любви единственная квота,
которую мне боже выдать смог.

Я кланяюсь единственной на свете,
тянусь к ее пленительным устам.
Использую в возвышенном сонете.
Ласкаю ее гибкий, стройный стан.

И вдоволь не могу налюбоваться
глазами лучезарной красоты.
И пробую по жизни оставаться
носителем душевной теплоты.

Прощальные деньки

Листом желтеющим представилась грустинка.
Стремятся к осени прощальные деньки.
Спасибо августу за жаркие картинки,
за обогретые родные уголки.

Рыдает моросью капризная погода.
Свинцовым облаком накрыло Петербург.
Дай бог, наступит золотое время года
без нудных дождиков и без залетных бурь.

Пусть не минует нашу землю бабье лето
с большой надеждою на добрый урожай.
Пусть небо синее раскроется с рассветом,
и солнце ясное продолжит улаживать.

В предвкушении осени

Я лето отгулял, не думая о грустном.
С нектаром пил захлеб земную благодать.
Закусывал лучком и яблоками с хрустом,
пытался нежность чувств березкам передать.

Балдел от синевы и солнечной улыбки,
бросался с головой в июльское тепло.
В озерах и морях купался шустрой рыбкой
и дождику был рад, как маленький телок.

Но выпавший туман заставил оглянуться,
я в спешке рассмотрел осенний небосвод.
От ветреных затей березы стали гнуться,
опавшая листва пустилась в хоровод.

И мысли понесло в унылые трущобы.
Потух веселый взгляд при виде серых грез.
Представились холмы забрызганных сугробов
и грязные дворы, знакомые до слез.

Как же было хорошо

Как же было хорошо
солнышком согретым.
Разгуляться бы еще,
да смахнуло лето.

Раззадорились ветра,
расхрабрились тучи.
Им бы в гушу три пера,
были бы летучей.

Застучал по головам
дождик надоедный.
Рыщет осень по дворам
ветреницей вредной.

Подлизы

Две попрыгуньи — козочки
к мамулечке ластЯтся.
А может это кошечки
желают подлизаться?

И будешь тут подлизую,
когда подходит вечер.
Когда по телевизору
с крутым мультфильмом встреча.

А мамочка противится
желанному просмотру.
Не видит позитивного
и мультики не смотрит.

Тюря-Муря

Жил на свете Тюря-Муря,
шумно чавкал все подряд.
Не садились с Тюрей-Мурей
на один столовый ряд.
Чав, да чав, распустит слюни,
так что брызги по столу.
Наплевать, что рядом люди —
ем со вкусом, как могу.
Он и стоя что-то чавкал
и в постели что-то ел.
На друзей сердито гавкал,
замечаний не терпел.
Так и жил бы Тюря-Муря,
шумно чавкая еду.
Но подседа к Тюре-Муре
бабка Ежка на беду.
Каждый раз, когда он чавкал,
Ежка Лешего звала.
Тот с надрывом громко квакал,
аппетита так желал.
Только чавкнет Тюря-Муря,
тут же слышит «ква», да «ква».
И не тихий «ква», а буря
заглушает все слова.
От такого пожеланья
Тюря-Муря загрузил.

Приглушил свое желанье,
целый день не ел, не пил.
А как пО утру проснулся,
да как вспомнил про «ква-ква».
Сытной пищей поперхнулся,
закружилась голова.

В первый раз решил поплакать,
расхотелось Тюре есть.
Нет, не есть, а только чавкать,
вот такая вышла весть.

Гильдяй-Шалопай

Гильдяй-Шалопай
проживал у нас в районе.
Гильдяй-Шалопай
будоражил весь район.
Общался с людьми
он без всяких церемоний.
И только в себя
был поистине влюблен.
Вставал по утрам
без особых настроений.
Хватал бутерброд
и готовился бежать.
В багаж набирал
много спеси, кучу лени.
И с этим добром
шел на улицу гулять.
Мальчишек бивал
кто трусливей и слабее.
Девчонкам давал
с наслаждением тумаки.
А старых дразнил,
ни секунды не робея.
Калек презирал,
говорил, что слабаки.
Угрозы кидал
то налево, то направо.

Качели ломал
на площадке игровой.
Найти не могли
хоть какой-нибудь управы.
Заигрывал с ним
даже дядя постовой.

Гильдяй-Шалопай
распоясался не в меру.
Гильдяй-Шалопай
вымещал на людях зло.
Он был для других
отрицательным примером.
Кто был рядом с ним,
тем ужасно не везло.
Но прибыл в район
чемпион по многоборью.
Построил спортзал
и мальчишек пригласил.
Гильдяй не хотел,
но на этот раз поспорил,
что всех победить
у него достанет сил.
Но он проиграл
без отлаженной сноровки.
Его победил
тренированный пацан.

Отбросив хандру,
приступил он к тренировкам.
Уже через год
получил желанный дан.
Гильдяй-Шалопай
не гуляет по району.
Зовется теперь
он Виталий Иванов.
И в спорте большом
это имя всем знакомо.
И ты не зевай,
тренируйся, будь здоров.

Две судьбы

Последний путь, озвученный речами,
и две судьбы покинули сей свет.
В одной стране величие звучало.
В другой — славянский сдержанный обет.

Кровавым духом пахла величавость,
кичился спесью собранный бомонд.
Как будто в зале таинство свершалось
через показ дышащих смертью мод.

А под шатром славянского обета
собрался весь не сломленный народ.
Прощались люди с символом Победы
и обещали — мерзость не пройдет.

На две судьбы планета опустела.
Их, может быть, заждались небеса.
Но где бомонд, душонка улетела,
а где обет — воспрянула душа.

Дыханье осени

Дыханье осени безбрежной
я ощущаю всей душой.
Уже не будет странствий прежних
с согретой солнышком мечтой.

Когда назойливые ветры
несли в заморские края.
Когда оттуда шли приветы,
в который раз меня маня.

Я уезжал и возвращался
в родные невские места.
И мне Невою все прощалось,
писалось с чистого листа.

И я не прятал строчек нежных,
общаясь с милою Невой.
И даже осенью безбрежной
любуюсь невской синевой.

Осенняя песня

Шуршим листвою в аллее парка,
поем есенинской строкой.
От счастья делаем пометки
в осенней песне озорной.

И обнажаются березы
под искромётный такт шагов.
Мы не хотим угрюмой прозы,
открылись чувства для стихов.

Тону в глазах твоих бездонных
и о спасений не ропщу.
О, как прекрасны эти стоны,
в каких признании ищу.

И долгожданное признание
влилось в осенний листопад.
Спасибо, милое создание,
мне лучше не было наград.

Внучкины гости

Собачка в изголовье
с открытыми глазами
сидит и охраняет
спокойный внучкин сон.
Сопит моя малышка
под звездными часами.
И чудо-сновиденья
летят со всех сторон.

Игрушечной собачке
не справиться с гостями.
А нужно ли справляться
с оравой цветной.
Они одарят внучку
красивыми цветами
и сонную картину
украсят синевой.

Приснится моей внучке
любимая купальня
с волшебным водопадом
приятнейших затей.
И я иду спокойно
в родительскую спальню.
Чудесное сопенье
оставив на гостей.

Памяти Владимира Раевского

Не счесть крамольных мыслей в голове.
Он русофобом слыл и русофилом.
Скакал с кирасой на лихом коне.
Его картечью досыта побило.

В тиши поместья долго не сидел
и рвался в бой за милую Россию.
Писал стихи под сенью ратных дел,
в которых рифма пела и дерзила.

Как воевал со страстью, так любил,
но горячей Отечество родное.
Хоть от него забвения испил
и кабалы пустого непокоя.

Поэт, рубака, ссыльный декабрист.
С открытым сердцем, с раненой душою.
Я добавляю в память чистый лист,
быть может, он поделится строкою.

Золотой век

Век Золотой отважный, вольнодумный.
Слетает рифма с сабель и штыков.
И о комфорте некогда подумать
при виде тучи вражеских полков.
Одна война сменяется другою,
но не писать от этого нельзя.
Строчат поэмы смелою рукою,
скрепляя дух и нытикам дерзя.
Идут на смерть за милую Отчизну,
еще вчера в полемике с царем.
Клянутся бить врагов во имя жизни,
сверяя дружбу праведным огнем.
Звучит в сердцах набатом слово «подвиг».
Какой же толк в сражений без него.
Какой же смак без доблестной свободы.
Скорей в седло и шашки наголо.
И вместе с ними Музы выступали,
храня при них гусиное перо.
И в перерывах огненных баталий
писали ратный подвиг набело.
И несть числа поэту молодому,
что рифмовал под вражеским огнем.
Я салютую веку Золотому
и повествую с гордостью о нем.

У фонтана

Осенней свежестью фонтана
рифмует мысли у меня.
Текут потоки непрестанно,
цветными каплями звеня.

В струях радужное сиянье
рисует солнечный пейзаж.
Деревьев желтых обаянье
в воде всплывает, как мираж.

Мотив приятного журчанья
манит детей и пожилых.
Быть может, это не случайно,
живой фонтан сближает их.

Я рад фонтанному сближенью,
визжанью деток очень рад.
В воде мое воображенье
рисует летний водопад.

Улыбайся...

Улыбайся, милый друг, улыбайся.
В летнем солнышке душой растворяйся.
Позабудь про серый день, про хворобы.
Лучше вспомни нежный взгляд у зазнобы.

Распахни свои объятия природе.
Не держи дурную мысль о народе.
Побратайся с тем, кто сник на причале.
Поддержи того, кто в горькой печали.

Сделай что-нибудь на нашей планете,
чтобы в счастье родились наши дети.
И тогда тебе в ответ улыбнется
звездный мир, несущий радость от солнца.

Черная белка

Я черную белку вчера увидел
в зеленой глуши Красносельского парка.
Настроить мобильник забыл по запарке
и странную белку в тени прозевал.

С огромным желаньем я белку искал.
Бесследно пропала моя негритянка.
Из местных она, или все ж иностранка?
До самого сна сей вопрос донимал.

А ночью встряхнул занимательный сон,
как будто бы стая из белок вернулась.
От страшного крика супруга проснулась.
Ко мне применила весь сочный жаргон.

У ручья

Какой порыв в течении ручья.
Какая нега в трепетном журчаний.
Звучит в сознании музыка ничья,
и я один в волшебном мирозданий.

Ласкает слух бегущая вода.
Привносит в чувства тишь успокоенья.
Остались где-то села, города.
Дурная мысль отправилась в забвенья.

И не кричит уставшая душа,
а только тихо, искренне вздыхает.
Проходит время, будто не спеша,
а наяву мгновенно протекает.

Я не хочу прощаться с ручейком.
Я не хочу обратно возвращаться.
Но пробуждает мысли отчий дом.
Прощай ручей, счастливо оставаться.

Летнее продолжение

Смотрю на календарь, сверяю даты.
По датам не осталось летних дней.
Но лето соизволило остаться.
Влекут объятья солнечных лучей.

Шумят дубы зеленою листвою.
Березам листопадом не грозит.
И небо по-июльски голубое.
И речка по-весеннему рябит.

И я вбираю летнее продленье
с желанием безусого юнца.
Душа моя взывает к продолженью
без спешки, без унынья, без конца.

Бабье лето

Желтых прядей у берез нынче поприбавилось.
Прошло время женских слез, бабы улыбаются.
Лето снова к ним пришло, радует почтением.
Для красавиц-молодух светит предпочтение.

Раззадорился народ, парни разухабались.
Значит, девичьи деньки очень им понравились.
Вызывают в хоровод, шупают за талию.
Кто Марусеньку берет, кто свою Наталию.

Бабье лето, не спеши, дай родным расслабиться.
Древнерусская земля праздниками славится.
Мы попляшем, попоем, кой-кого сосватаем.
И на свадьбе озорной душеньку порадуем.

Питие мое

Питие мое, как ты греешь душу
Не глотнув тебя, не могу я слушать
ни морской прибой, ни биенье суши
с ропотом берез из зеленой кущи.

Поднимаю вверх красоту бокала
и смотрю на мир, словно с пьедестала.
За твоим стеклом счастье заблестало.
Пью его в захлеб, а его все мало.

Питие мое, ты — мое забрало
в самый трудный миг или в день аврала.
А когда всерьез ты меня забрало,
чувствую в себе мудрость аксакала.

Мамина болезнь

Внученька затихла,
села и грустит.
Куклу отпустила,
пусть себе пищит.

Грустные игрушки
смотрят на нее.
Что стряслось с подружкой
в солнечный денек.

Думают, гадают,
жмутся к ней бочком.
Сдержанно вздыхают,
мы, мол, не при чем.

Даже рыжий клоун
в уголке притих.
Шариков не ловит,
не читает стих.
Даже вкусный Хрустик
поубавил спесь.
Ведь причина грусти —
мамина болезнь.

Ворона и чайка

Ворона очень черная,
смелая, ученая.
А чайка очень белая,
гордая, умелая.
Столкнулись эти птицы
на свалке городской.
Пакет из-за границы
попался им с едой.
Схватились у пакета
в атаке лобовой.
Кричат и та, и эта,
и смело рвутся в бой.
Бездомная собака
вмешалась в этот спор.
Сама пошла в атаку,
устроила отбор.
И тут случилось диво,
сплотился птичий строй.
Собака отступила
и скрылась за горой.
Пакет вдвоем открыли,
друг друга торопя.
Продукты поделили,
обиду не тая.

Сила жизни

Скала бездушным монолитом
висит надменно над ущельем.
И только маленький цветочек
проклюнул робко из расщелин.

Над ним бессилен даже камень,
нагнавший страху на ущелье.
И ветер бешеный бессилен,
швырявший камни от безделья.

Цветочек смотрит с удивленьем
на речку, сжатую горами
И на реальную свободу,
что голубеет с небесами.

Ему не хочется срываться
в пучину водного журчанья.
И улететь к небесной сини,
подавшись ветреным желаньям.

Цветочек крепко уцепился
за твердь скалы, грозящей речке.
Глядит на небо со смиреньем,
висит и ветру не перечит.

Ночная гроза

С востока туча наплзала
на беззащитный небосвод.
Сердитый ветер-задувала
явиться к ночи ей помог.

Но прежде грозные раскаты
услышал сонный Петербург.
Исчезли дивные закаты
в ворчащем небе после бурь.

И только молнии освещали
тугие скаты мокрых крыш.
Шальные искры в них блистали
немой красой несметных тыщ.

И воздух пах свирепой жутью.
По нервам бил жестокий град.
И тут уж было не до шуток.
Ночной грозе лишь демон рад.

Туман в Петербурге

Туман укрыл любимый город
своей накидкой невесомой.
Пейзаж рисует незнакомый
в цветах изнеженной ангоры.

Я захожу в пейзаж сей дивный
с каким-то трепетным волнением.
И происходит омовенье
доселе сумрачных мотивов.

Я снова вижу Исаакий
с его величественным сводом,
дворца паренье у Дворцовой,
колонны ангельские знаки.

Спадает белая накидка
с золотой главы Адмиралтейства.
Конец таинственного действия
идет от солнечного гида.

Бабочка

Бабочка пригелась на ладошке.
Лучик солнца гладит ей крыло.
Даже если села на немножко,
все равно мне сильно повезло.

Я сижу на солнечной лужайке
и затих, стараюсь не дышать.
А котенок, шустрый попрошайка,
норовит мне лаской помешать.

Только мне, котенок, не до ласки.
Отошел бы лучше от меня.
Я махнул рукою для острастки.
Улетела бабочка моя.

Не будь равнодушным

Не будь равнодушным,
молись на добро.
Носитель радушья —
твое ремесло.

Иди к обделенным
домашним теплом.
Не будь покоренным
заносчивым злом.

Печальные слезы
пытаться унять.
Любителя прозы
старайся понять.

Открытостью взгляда
детей одари.
А взрослых, кто рядом,
мечтой озари.

За это воздастся
нам богом сполна.
Бездушным остаться —
греховность одна.

Младая осень

Сдалась младая осень заносчивым ветрам.
Противятся деревья осенним холодам.
С зеленою листвою расстаться не спешат.
Опавшей желтизною тропинки не шуршат.

Разгуливают в небе седые облака,
на сельское подворье глазеют свысока.
Там собранное сено, заполненный загром
и кормленное стадо из дюжины коров.

Закончилась намедни осенняя страда.
Спешат за урожаем большие города.
С подобными дарами зима им не страшна.
А там не за горами бодрящая весна.

Родная армия

Родная армия воспрянула и встала на крыло.
Бойцы России гордо головы подняли.
Армады танков ловко траками утюжат полигон.
И самолеты в синем небе заблистали.
С подводных лодок наша сила устремляется
свечой.
Знать пробудилась в океане непокорность.
И сердце радуется, чувствуя армейское плечо.
И душу греет в нас проснувшаяся гордость.

Осенняя хмарь

Тучи осень затянули
в нудные дожди.
Листья в лужах затонули,
лучшего не жди.
Распоясалась погода,
власть ей — не закон.
Ополчилась на природу,
лезет напролом.
Струйным градом залепила
тропки и луга.
Где-то волю распустила
на белы снега.
Раззадорилась на славу,
только радость где?
Дал ей бог, видать, по праву
властвовать везде.

Надежда никогда не умирает

Надежда никогда не умирает.
Ее бездушным жалом не возьмешь.
Она с судьбой по-честному играет,
лишь иногда показывая мощь.
И человек, идущий за надеждой,
стремится ввысь от илистого дна.
Ему чужда судьбинушка невежды.
В его глазах уверенность видна.

С ее руки нисходит облегченье,
когда о мгле кричат со всех сторон.
Она всегда поможет в излечений,
когда конец у жизни предрешен.
Она не сгинет вместе с человеком,
а перейдет к потомственной судьбе.
И озарится небо новым светом,
и отразиться, может быть, в тебе.

Время серое

Время серое запустил сентябрь.
Льет с небес вода охлажденная.
Разгулялся дождь, словно тот бунтарь,
что не ждал письма утвержденного.

Разлилась вода по людским местам,
хоть ходи по ней в босых ноженьках.
Но негоженько разуваться нам,
потому теперь мы стреножены.

Виды видятся некрасивые.
Теребит печаль наши душеньки.
Где ж ты милое небо синее?
Где ж природное добродушие?

Право осени дождливой

Право осени дождливой
нашу землю поливать.
Но зачем же ее душу
постной влагой заливать?

Ну, зачем ветрами злыми
кленам кудри теревить?
И взлохмаченные липы
нужно нежить и любить.

И кусты трепать негоже,
и березы бить нельзя.
Только гладить осторожно,
нежной струйкою скользя.

Благородство Земли

Какая сила благородства —
Земля дает нам право жить.
А мы ракетное уродство
спешим планете предъявить.

Мы обжигаем ее палом,
корежим недра без стыда.
И где росли молодые пальмы,
растут ковыль и лебеда.

На месте пашен льются воды
с зловоньем местного дерьма.
И, вместо статуи Свободы,
стоят руины, не дома.

Земля безмолвно это сносит,
и лишь противятся ветра.
Зачем она подонков носит,
пытаясь ждать от них добра?

Осенний вальс

Я березовым зонтиком землю укрою
И перину из листьев тебе постелю.
На лирический лад струны ветра настрою
И сонет пропою, потому что люблю.

Потому что, взирая на синее небо,
позывные от ангела сердцем ловлю.
Он дарует улыбкой мне сладкую негу,
наслажденье которой с тобой разделю.

Я с тобой разделю это чудное ложе
под дразнящую нежность шуршащей листвы.
Для двоих ничего не бывает дороже,
чем манящая в таинство звездная высь.

Святой человек

Тихонько умер человек
с молитвой на устах.
Прожил он свой нелегкий век
без злата на перстах.

Он скромно жил, скоромно ел
и в меру потреблял.
Дворцов построить не успел,
знать лишнего не брал.

Взывал душевностью своей
к творению добра.
И был примером для друзей,
верша свои дела.

Вокруг не видел он врагов,
и сам не делал зла.
Спасал заблудших от оков
дурного ремесла.

Ему вместилище святых
сложить бы светлый прах.
А он отверженным затих
с молитвой на устах.

Неизбежность осени

Осень злато рассыпает
медленно, но верно.
Зелень кроны оставляет,
что не так уж скверно.

Такова канва закона,
что блюдет природа.
Пик осеннего сезона
грянет в непогоду.

Разлохматятся деревья
ветреной рукою.
Будет бабий праздник прерван
влажным непокоем.

Будут ранние метели
сыпать белизною.
Прекратятся птичьи трели,
нытики зануют.

Небесная синь

Вот снова синь меня небесная зовет.
На чистом небе нет ни облачка, ни тучки.
С великой нежностью смотрю на небосвод
и говорю себе — какой счастливый случай.

День предвещает мне ответную любовь,
которой я с волнением буду отдаваться.
И прозвучит волшебный вальс, в конце концов.
И мы сольемся нежно в милых ритмах вальса.

Письмо на Запад

Что ж вы этак на нас ополчились
наши западные «друзья»?
Или в желтой нирване забыли
вехи прошлых столетий, а зря.
Про несчастную участь хазаров
и про шведский позорный набег.
Когда дружная русская ярость
на Чудской переправилась брег.
Про дымы Куликовского поля,
боевой Бородинский редут,
где солдаты сражались за волю
без сомнения, что их убьют.
Про лихое изгнание персов.
И Брусиловский смелый прорыв.
Разным тварям давали мы перцу,
возбуждая народный порыв.
И в итоге Великой Победы
был повержен воинственный враг —
распылитель фашистского бреда,
вдохновитель кровавых атак.
Так что вырвись из желтой нирваны
уважаемый западный член.
И запомни, за русские раны
ты получишь погибель взамен.

Погибшему экипажу Ил-20

В сирийском небе сбиты наши парни
по воле подлой хитрости еврейской.
Они ушли бойцами в нашу память,
а где благие чувства европейцев?

А где союз борения с террором,
что на словах звучит, а не на деле?
Из пухлых уст выходит только троллинг,
который тесно вяжется с бездельем.

Простите нас, небесные герои.
Страна вовеки подвиг не забудет.
Уже идут войска победным строем.
За вашу смерть святая кара будет.

Старый клен

Под ногами золото рассыпано.
Закрома у осени полны.
И страдает в образе задрипанном
старый клен по прелестям весны.

Не к лицу слоняться в оголении
на виду заплаканных берез.
Лучше быть в зеленом оперении
и встречать с достоинством мороз.

Но судьбой такое не предписано
на просторах питерской земли.
Часть одежды осенью описана,
остальное ветры унесли.

И грызет, родимого, стеснение,
и болит кленовая душа.
Долго ждать весеннего цветения,
чтоб свободой вволю подышать.

В честь простого русского парня

В деревне под названием Петровка
родился отрок в лоне сентября.
Его тогда, за сомкнутые бровки,
и нарекли в честь дедушки Петра.

Не по часам он рос, а по минутам
и в первый год ножонками пошел.
Тянулся вверх не тополем согнутым,
а кленом дерзким в детство перешел.

Гонялся в степь с ватагой деревенской,
в пруду ловил отменных карасей.
Своим стараньем в деле был известен
и верным другом звался у друзей.

Они гурьбой в заснеженную выюгу
за десять верст ходили за мечтой.
И школьный класс, как преданного друга,
его пускал с надеждой на постой.

А на дому скотина и покосы
и ноги жжет колючая стерня.
Он терпит все и помощи не просит.
Так поступает вся его родня.

Идут года, взрослеет наш Петруха.
Пожар любви захватывает дух.
Девичий смех ему ласкает ухо
и беспокоит сердце частый стук.

Не удалось любовью насладиться,
вдруг прозвучал воинственный приказ.
В солдатском ритме юность стала биться.
И стал не лишним друг-противогаз.

Мешали сну тревоги и ученья.
Съедало потом плотное х.б.
Но предки ждали честного служенья,
и он почтенъе жаловал судьбе...

...А были те, кто щедро откупился
и колесил по местным кабакам.
Любить Отчизну вовсе не стремился
и в рот смотрел заморским чужакам...

Но не о них в поэме говорится
и потому продолжу свой рассказ.
Петру то утро долго будет сниться,
когда с сиреной прозвучал приказ.

Был поднят взвод его не для ученья.
Петр вместе с ним вступил в жестокий бой.
И нет врагу пощады и прощенья,
Петр прикрывал покой людей собой.

И лишь на миг тень страха промелькнула,
а там опять огонь передовой.
Его сразила вражеская пуля.
Погиб Петруха — парень золотой...

...Стоят на взгорке плачущие люди.
У ног скорбящих скромный обелиск.
Твоя деревня подвиг не забудет,
и ты, читатель, скорбью поделись.

Денежные страдания

Храните ваши вклады в метрах,
надежда в деньгах так мала.
Рекомендуемые меры
карман обчистят добела.
Великий доллар нынче в коме
за санкционные дела.
А рубль в загадочной истоме
добром страшает не со зла.
Строптивый евро землю роет,
пытаясь доллар перегнать.
То по-немецки вдруг завоет,
то по-российски вспомнит мать.
Куда ни глянь, дрожат валюты
совсем больших и малых стран.
На ихних биржах курсы гнуты,
глумится денежный тиран.
Куда простому люду деться
с просящим взглядом на Минфин?
На всякий случай приодеться
и ожидать в тиши перин.

Вовка — хулиган

Соседу Вовке только восемь,
а он драчливей всех вокруг.
Его кулак никто не просит,
а он показывает вдруг.

Он кулаком грозит и взрослым,
но не везде и не всегда.
А вот для тех, кто ниже ростом,
кулак готовит завсегда.

Он бьет им с самого размаху,
так чтобы было побольней.
Пред малышней не знает страху.
Кого лупить ему видней.

Но вот однажды на площадке,
приметил Вовка паренька.
Тот не хотел просить пощады
и в нос ударила рука.

Парнишка ловко увернулся,
удар пришелся по стене.
От боли Вовка поперхнулся,
да так, что стало больно мне.

Очнулся на больничной койке
наш Вовка с гипсом на руке
наедине с судьбою горькой,
да злым диагнозом в строке.

И с той поры кулак он прячет.
Улыбкой светится лицо.
А ведь могло бы быть иначе —
наш Вовка стал бы подлецом.

Про картошечку

Ах, картошечка, картошка,
мы живем, тебя любя.
Без тебя желудок тощий,
душит голод без тебя.
То ли дело под картошку
выпить чашечку винца.
И озвучить под гармошку
нам частушки без конца.
Про вкуснейшее жаркое
и про сочное пюре.
А в мундире, вон какое
яство дышит на столе.
И бульончик без картошки,
что баланда, а не суп.
Эх, бери скорее ложку,
а зевнешь, не обессудь.

Осень загрустила

Осень загрустила золотая.
Серостью затянуто лицо.
Листья, словно голуби, летают.
Небо затуманилось свинцом.
Медленно стекает нудный дождик,
разбавляя лужи на тропе.
С жалостью взирает подорожник
на подруг, рыдающих в стог.
И стоят редяющей преградой
деревя с потерянной листвой.
Только ель — зеленая отрада
зывает нежною хвоей.

Твоя слезинка

На грудь слезинка мне упала,
горячая слеза.
Немую душу растрепала,
заставила сказать —
Я так люблю тебя, родная,
за черствость не суди.
Еще не выпита до края
история любви.
Еще встревоженное сердце
не хочет замолкать.
И бьется чаще и усердней,
чтоб чувства показать.

Игорю Талькову посвящается

Ты обещал вернуться, так вернись
в страну не дураков, а новых гениев.
Москве золотоглавой поклонись,
с Арбатом побратайся своим пением.

Пройдись пешком на Чистые пруды,
веков зеленый сон продолжи с ивами.
Спасательные выложи круги,
уважь аккордеонными мотивами.

Посеянные грезы отыщи,
пришло тобой рифмованное времечко.
Омой дождем ранения души
и выдай песней косности по темечку.

Разговор двух старушек

В автобусе заслушался старушек,
чуть не проехал нужной остановки.
Одна клялась другой, что стало лучше,
а та, что недовольна обстановкой.
И то, что от забот ослабло зренье,
и ноги перестали гибко гнуться.
Что сослепу не видит озаренья
и в прошлое так хочется вернуться.
Другая ей с улыбкой отвечала —
я зрением не смею похвалиться,
но видами мой взгляд не опечален,
мне видятся внимательные лица.
И пусть меня не слушаются ноги,
при случае на палку обопрусь я.
Негоже нам сворачивать с дороги
и робко оставаться на распустье.
Две женщины, два взгляда на старенье,
на жизнь, которой чуточку осталось.
Даю я им свое благодаренье,
оно, быть может, скрасит чью-то старость.

Осенние раздумья

Нам летом некогда подумать
о быстротечности судьбы.
Лишь осень — дерзкая подруга
тоской влияет на умы.
Осенней серостью польщенный
я начинаю перебор
друзей, доселе непростенных,
врагов, дарованных на спор.
Взглянув на желтое убранство
притихших парков и садов,
я замечаю постоянство
мечтой отмеренных шагов.
Под вой разгневанного ветра
на ум приходят те года,
когда спешил на край я света,
но не добрался никогда.
А в дождь осенний засыпаю,
и снится мне моя родня,
с которой вместе запеваю
про прелесть завтрашнего дня.

Я будто заново родился

Я будто заново родился,
испив волшебный эликсир.
В твоей улыбке он таился.
В твоих движеньях колесил.

Его тайком хранили веки,
скрывала скорбная печаль.
Не слышал я его в ответе
и в гамме чувств не ощущал.

И вот однажды ты открылась,
запела нежная струна.
В моих объятьях растворилась,
когда в зенит взошла луна.

Мы лунной воле подчинились,
признаться вслух хватило сил.
И будто заново родились,
испив волшебный эликсир.

Прошение о любви

Бей меня шальная жизнь,
если женщину обижу,
если слез я не увижу
в уголках житейских жил.

Раствори ее печаль
эликсиром моей ласки.
Пусть коснется без опаски
чувств, что греет мой причал.

Ощувив ее тепло,
я улыбкой расстараюсь
и с волнением покаюсь,
в том, что грешным был в былом.

И на звездных небесах
вспыхнет новое созвездье.
И не будет скорби прежней
в ее радостных глазах.

Прощанье с осенью

Просить у осени не буду,
вопросов лишних не задам.
Златые кудри не забуду
у белоствольных русских дам.

Запомню огненные клены
и гроздь рдеющих рябин.
Каштанов лестные поклоны,
и дрожь обветренных осин.

Дубов величье будет сниться
и лип печальный перегляд,
когда вконец утомонился
гонимый ветром листопад.

Я только гляну на прощанье
на уходящую красу.
Зима мне шепчет пожеланье
и стелет белым полосу.

Серых красок осень набросала

Серых красок осень набросала
на дождем омытые поля.
Воем ветра сникнуть приказала,
на своих и пришлых не деля.

Разлила холодные потоки
на подворья горестных селян.
Разносила дерзкие восторги,
когда ветер был безумно рьян.

Растрепала кудри у деревьев,
завалила землю их листвою.
Приоткрыла миру свою вредность,
показав характер шептунной.

Не за это мы тебя возносим,
не за это здравицу поем.
Мы златой желаем видеть осень,
а на небе синий окоем.

Тропка осени

Мы проторили тропку в осень,
а ветер смыл дождем следы.
В кудрях осталась только проседь,
да в мыслях милые черты.

Я буду помнить наши встречи
под сенью преданных берез.
Меня разлуки срок не лечит,
и будоражит боль до слез.

И даже зимняя поэмка
не остужает чувств к тебе.
Я спотыкаюсь, словно зомби,
о тропку осени в судьбе.

Плоды перестройки

Сколько швали наплодила перестройка.
Сколько желчи напускала в телеса.
Сколько зла она внесла в умы нестойких.
Сколько ненависти вбила в голоса.

Растоптала детство целых поколений.
Разбазарила великий генофонд.
Демократию ввела без всяких прений
по указке злобой пышущих сторон.

То, что было наработано годами
растащила по заморским закромам.
Люди бились ценовыми батогами
с отношением элиты, как к скотам.

Божий суд придет к прорабам перестройки.
Божья кара не заставит долго ждать.
Разломать страну труднее, чем построить.
Грابتь легче, чем творить и созидать.

Бой под Кандагаром

На высоте под Кандагаром это было.
Их только пятеро простых, но непреклонных.
В едином ритме пять сердец с надрывом бились
победной музыкой бойцов непокоренных.
Со всех сторон ползли к высотке моджахеды.
Их больше сотни было брошено в атаку.
Святая ненависть ползла за ними следом,
благословляя на безжалостную драку.
Пять грозных суток отбивались наши дети —
сыны достойные великого народа.
Из всех запасов только водная диета,
да мысль о прелестях сухого бутерброда.
И лишь тогда, когда закончились патроны
их окружили на простреленной вершине.
Они восстали в круговую оборону
Сплотив с достоинством не сгорбленные спины.
И столько чести было в их голодных взглядах,
что враг опешил и к убийству не решился.
Оставил жизнь советским воинам в награду
за то, что русский дух в сражении не сломился.

Небо синее

Я снова вижу небо синее
над бесшабашной головой.
Еще не скоро ночи зимние
взойдут над скованной Невой.

Еще порадуемся солнышку,
презрев осенние ветра.
Пройдем с тобой пути исконные
с духмяной прелестью добра.

В притихшем парке остановимся,
глотнем горячий поцелуй.
Пусть этот день опять запомнится
приятной просьбой — не балуй.

Святое право

Не каждой женщине дано
святое право роженицы.
Но ей судьбой не суждено
владеть тем правом вольной птицей.

Хочу рожать, иль не хочу.
Оставлю плод иль потеряю.
А жизнь похожа на свечу,
какую бог нам доверяет.

Ее несложно затушить
дыханьем глупого поступка.
И ею нужно дорожить,
иначе та мораль преступна.

Так это право воплоти
и дай пробиться новой жизни.
Создай сей образ во плоти,
не доводи итог до тризны

Потускнело золото у осени

Потускнело золото у осени,
Растрепались локоны деревьев.
Листопады ветрами уносятся
из реалий в будущую древность.

Так уходят люди из реальности
в виртуальность, заданную богом,
не оставив миру даже малости
из того, что было за порогом.

Из того, что зрело и лелеялось
в ожидании лучика надежды.
Да в недолгой памяти развеялось
иль укрылось в черные одежды.

Не хочу такого потускнения
с неизменной мыслью о судьбине.
Пусть зима скорее прояснение
принесет из северной чужбины.

Не трогайте святое...

Не трогайте святое, господа.
Не пачкайте холеными руками.
Осталась же хоть капелька стыда
в душонках, что напичканы деньгами.

Осталась хоть граммулечка любви
к Отечеству, что жизнью наградила.
Иль, может быть, отравую увит
тот сад, какой судьба вам подарила?

Кошунствовать над памятью людей,
юродствовать над жертвами блокады
не смог бы даже конченный злодей
за золото блистательной награды.

Благодарение

Под небом чистым, просветленным
дышу живительным нектаром.
Я стал счастливо удаленным
из тех, кто раньше звался старым.

Твоя открытая улыбка
сняла с души печальный камень.
И что вчера казалось зыбким,
сегодня чувств высоких пламень.

Твои глаза вселяют веру
в бездонность наших отношений.
В них есть загадка от Венеры
с желаньем нежного общенья.

Благодарю тебя за это
и салютую страстным скерцо.
Моя любовь не канет в лету,
пока призывно бьется сердце.

Памяти погибших в Керчи

Встряхнуло Крымский полуостров.
Террор добрался до Керчи.
Подорван детских жизней остов,
потухло пламя у свечи.

Свершение мерзкого кошунства
пришло с соседней стороны.
Открылись жалюзи безумства
от эха подленькой войны.

Фашизм с коричневым забралом
восстал из грязи бытия.
И вот сочится кровью алой
и плачет крымская земля.

Не будет извергам прощенья,
святая кара их найдет.
Наступит правое отмщенье, —
я знаю это наперед.

Ангелочек

Странная девчонка
в садик к нам пришла.
Беленькая челка,
да и вся бела.
Белые реснички
хлопают смешно.
Ручки — невелички
машут, как в кино.
Белые одежды,
бантик озорной.
Ангельские крылья
видно за спиной.

Желто-красная осень

Ветер сжалился над осенью.
Знать, красна ее печаль.
Не страшит тропинки посвистом,
улетев куда-то вдаль.

Восхищают взоры девичьи
желто-красные цвета.
Не осыпанной надеждою
стойко держится листва.

Отливают позолотою
кудри сказочных берез.
Упиваются красотою
отошедшие от слез.

И звучит в осеннем воздухе
восхитительный напев.
То любовь любого возраста
заставляет сердце петь.

Серая морось

Вернулась серенькая морось
под петербургский небосвод.
Травы молоденькая поросль
глотнула жизнь с брожением вод.

Опять привычная картина
на фоне вымытых красот.
Грызет печальная кручина
вобравший солнышко народ.

Кому нужна сплошная серость,
по ком рыдают небеса?
Коробит души опустелость,
туманит влагою глаза.

Коварный гость

Велению времени поддавшись,
впустил я гостя на порог.
А он, желанию отдавшись,
пустился в долгий монолог.

Он расточал свои посулы,
вводил в манящий виртуал.
Шальная связь сводила скулы
и превратилась в ритуал.

С ним засыпал и просыпался,
ходил на службу и в пивбар.
Родным предложить расстарался.
Теперь он в доме правит бал.

Блестят iPadы и айфоны
в руках у призрачной семьи.
Общение только с телефоном
с отрывом взгляда лишь на миг.

Он долбит хилое сознание,
сбивает ложью с правоты,
лишает веры в созидание,
коробит милые черты.

Внушает право на убийство
иль на мучительную смерть.
Кромсает прозу добрых истин
и тешит злобой круговерть.

И от него не увернуться.
Он стал хозяином в семье.
Ах, как же хочется проснуться,
не разуверившись в себе.

Каток репрессий

Каток репрессий прокатился по Отчизне.
Им управляла безрассудная жестокость.
Слепая ненависть заказывала тризну
и вместе с трусостью была не одинока.

Расцвел рассадник для доносов и наветов,
приумножая жертв советского ГУЛАГа.
Грузинский Иосиф приговаривал к ответу
и ждал с ухмылкой кровавого аншлага.

И кровью метились расстрелянные стены.
И рвы коржились от моря убиенных.
И правда пряталась в острог или застенок.
И совесть правая каралась за измену.

Стремление жить мешалось с массой инородной.
Печальный стон звучал от края и до края.
И остаются души в памяти народной.
Колокола по ним звонят, не умолкая.

Под мелодию Вивальди

Под мелодию Вивальди
закружил нас листопад.
Ветер — взбалмошный идальго,
подпевал нам невпопад.
Златоглавые березы
жались к клену — молодцу.
Он шептал им что-то прозой.
Красный цвет ему к лицу.
И стояли скромно сосны,
продолжая зеленеть.
Им цвета, что дарит осень,
богом не дано иметь.
Но мелодия Вивальди
прозвучала и для них.
Ветер трогал их за талии
и от нежности затих.
Не летают больше листья,
под ногами лишь шуршат.
И слова — ты самый близкий,
сладко голову кружат.

Предсмертный монолог

Умереть за Родину —
страстный крик души.
Знать надежда пройдена,
боже, не взыщи.
Знать судьба-судьбинушка
выбрала лимит.
От моей дубинушки
враг не будет бит.
Только малой кровушкой
жизнь я не отдам.
Не свалю головушку
к вражеским ногам.
Расстараюсь силушкой,
прежде чем уйти.
Захвачу в могилушку
многих по пути.

Ингерманландия

Ингерманландия — земля трех измерений.
По-фински — маа, а по-шведски будет ланд,
по-русски — ия в окончательном биений.
Она — сокровище потомственных землян.

Ее расцвет в многообразии народов.
Ее краса в культурной ценности людей.
Она живет не мнимой прелестью свободы,
а целомудрием традиций и идей.

Здесь чужь жива и водь историей божится.
Поют ижоры и карелов слышен сказ.
И все смогли с единой матерью сдружиться.
И Русь не сводит с них своих счастливых глаз.

Чудная речь звучит в названиях поселков.
Лежит в сохранности большой культурный пласт.
Ингерманландия встречает новоселов
и помогает им добром напиться всласть.

Осенний снег

Осенний снег летит с простуженных небес.
Но до земли дойдет не каждая снежинка.
А небосвод похож на сказочную взвесь,
в которой солнце отражается на льдинках.

Предвестник холода и робкий озорник,
он намекает нам на зимние одежды.
И вот уже садовый мрамор и гранит
накрыт на зимушку попоной безутешной.

Отголосилась осень криком журавлей.
Оттанцевались листопадные утечи.
Ноябрь не будет ни красивей, ни милей,
но вряд ли кончатся осенние потехи.

Первый мороз

Мороз украсил белой бахромой
багряный цвет осеннего пейзажа.
Укрыл поля туманной пеленой
без суеты молодого эпаважа.

И как предвестник будущей зимы
обсыпал снегом сонные тропинки.
Придал природе привкус новизны,
вложив в сознание толику грустинки.

Женский образ

Мне женский образ придает
душевных сил бездонный кладезь.
И по крупичам отдает
святой любви большую радость.

Я с ним уверенно иду
в волшебный мир с названьем «нежность».
И верю в то, что там найду
свою счастливую надежду.

Я с ним сумею написать
судьбой взращенные поэмы.
Их женским именем назвать,
не находя другой дилеммы...

...Какое чудное тепло
мне с женским именем дается.
Бурлит восторгом моя плоть
и в чутком сердце отдается.

Поздняя осень

Как короток сегодня день.
Как хмур закат на небосводе.
Занудный ветер дребедень
печальным посвистом выводит.

Давно оборвана листва,
обвисли кроны у деревьев.
И лишь зеленая трава
кичится новым озареньем.

Прохладный ливень лихо смыл
манящий цвет осенних радуг.
Пейзаж представленный уныл
и не несет былую радость.

Жизнь прекрасна...

Жизнь прекрасна, но так быстротечна.
И дается она только раз.
Не меняйте ее на беспечность,
Не держите ее про запас.

Раскрывайтесь объятиям ветра,
Теребите коварную лень,
Восхищайтесь гармонией света,
Не ищите бездарную тень.

Мир нуждается в ваших поступках,
В целомудрии ваших идей.
Просто так благодать не наступит
И надежда не будет светлей.

В узелках не храните обиды.
Берегите бесценных друзей.
Пусть родные не будут забыты
в круговерти насыщенных дней.

Не жалейте открытой улыбки
с добавлением ласковых слов.
Нет возможности править ошибки
в быстротечности данных годов.

Извечная проблема

Во все века преклонный возраст
брюзжал на молодежь.
Гонял по ветру сплетен ворох,
входил в экстазе в дрожь.

Не исключенье двадцать первый
с избытком перемен.
Восстал из пепла, стиснув нервы,
ворчливый элемент.

Он вечно чем-то недоволен,
смотря на молодых.
Во всех поступках видит вольность
и метит ей под дых.

Ему не нравятся одежды
и яркий макияж.
Он принимает все надежды
за призрачный мираж.

А от фристайла и от рэпа
туманятся глаза.
И он в смятении чешет репу
и зрит на образа.

Он позабыл, что сам когда-то
буянил молодым.
Стилягой был или патлатым,
иль упивался в дым.

Был безалаберен и весел,
швыряя оптимизм.
Что сам по жизни куролесил,
пока не понял смысл.

Пленительное танго

Ворвалась музыка пленительного танго.
Во мне вскипела кровь ретивого мустанга.
Я поспешил раскрыть объятия милой деве
и ощутил биенье страсти в юном теле.

Мы закружились по лощеному паркету.
Я отошел совсем чуть-чуть от этикета.
Прониклись нежностью мои шальные пальцы,
исполнив танец шаловливого скитальца.

Огнем желанья полыхнули ваши щеки.
И стало близким то, что виделось далеким.
Когда последние аккорды прозвучали,
мы огласили мир о сказочном начале.

Русская тройка

Тройка мчится в чистом поле.
Рысью скачет коренник.
Пристяжные ищут волю,
только шанс их невелик.

Ветер рьяно выбивает
снежный вихрь из-под саней.
Колокольчик задирает,
тот играет веселей.

Сколько силы в русской тройке,
сколько стати в лошадях.
Не жалея ямщик постромки
и полозья на санях.

Дай свободу напитокся,
ты же сам о ней мечтал.
И несется тройка — птица
в голубеющую даль.

Мелодия романса

Мелодию романса шепчет ветер.
Душа находит нужные слова.
Она выводит с грустью о заветном.
И грусть гитаре вовсе не нова.

Звучат ее натянутые струны,
мотивом создавая непокой.
Вальсируют слова дорожкой лунной
и эхом отдаются за рекой.

Бежит неутомная слезинка
по милой не целованной щеке.
Найдется ли заросшая тропинка,
чтоб счастье не грустило вдалеке?

Найдется, если музыка романса
с душевными словами воспарит.
Влюбленным не дано другого шанса —
надеяться на чувства и любить.

Родился новый человек

Под петербургским ясным небом
родился новый человек.
Еще вчера он с нами не был,
а тут глазеет из-под век.
Кряхтит, как добрый старикашка,
кричит, не чувствуя груди.
Теперь он быть, уже не сказка,
с запасом жизни впереди.
И тянут добрые ручонки
к кроватке малого дитя
его братишки и сестренки,
и вся довольная родня.
Да что родня, тут даже кошка
спешит обнюхать малыша.
От страху пятится немножко
и застывает, чуть дыша.
Звучат фанфары в честь младенца.
В квартире слышен первый тост.
Лежит в кроватке наслажденье,
сопит приятно через нос.

Умов в России мириады

Красивой россыпью медалей
отмечен разум молодых.
Везут в страну из разных далей
наград несметно золотых.

И нет вершин олимпиадных,
которых юности не взять.
Умов в России мириады,
и это миру надо знать.

Люби цветное мирозданье

Стучится дождь в мое сознание,
но он не может помешать
любви цветному мирозданию,
которым хочется дышать.

Которым хочется напиться
пока стучит настырный дождь.
И от ненастья вольной птицей
умчаться ввысь, осилив дрожь.

И пусть беснуется погода,
мне из сознания не убрать
любовь, укрывшую невзгоды
и не дающую страдать.

Ноябрьские ожидания

Влагу копят облака.
На глазах сереет небо.
Словно потная рука
протирает перед снегом.

Поостывшие ветра
теребят с издевкой кроны.
Разнося осенний страх,
громко каркают вороны.

Знать проказница — зима
не задержится с приходом.
Постучит снежком в дома,
иль пургой пройдет с обходом.

Заколдует льдом пруды
и другие водоемы.
Не попросит за труды
даже малого объема.

Открытие Колумба

Искал он Индию, упрямо плыл на запад.
И на Америку случайно налетел.
А так как жители ему не дали в лапу,
то он по миру об открытии насвистел.

И понеслось туда бандитское отродье.
И поселились там любители нажив.
Не стала жизнь аборигенов благородней.
Счастливчик тот, кто оказался из них жив.

Там исповедовалась вера на насилье
и рекламировалась жажда богатеть.
Скрывалась ненависть в обертках прекрасивых.
И поощрялось право сильного хотеть.

И так живет теперь открытая Колумбом,
веками сдобренная кровушкой земля.
Пыхтит агрессией, пороками и блудом,
плевав на жизнеустремление землян.

Русский самовар

Медный, теплый и пузатый
русский самовар.

С ним в избе любые даты —
праздник, божий дар.

С ним любое настроенье
светится добром.

С ним стираются волненья,
радостнее дом.

Он — бесценный собиратель
за одним столом.

Наш семейный врачеватель,
даже управдом.

Сколько песен было спето
с мыслью о былом.

Сколько душ теплом согрето
под его крылом.

И сейчас он честно служит,
балует чайком.

Вместе с ним любые стужи
людям нипочем.

Тепло твоих волшебных рук

Тепло твоих волшебных рук
отводит грусть и исцеляет.
Снимает вмиг любой недуг
и на свершенья вдохновляет.

Для вспышки радости нужно
всего одно прикосновенье.
Оно, как доброе вино,
приводит в чувство за мгновенье.

Я в страстной нежности руки
ловлю заветное желанье.
И с жадой верного слуги
хвалю твое очарованье.

Пой, мое очарованье

Пой, мое очарованье,
звонких ритмов не жалея.
Пусть исполнятся желанья,
сердцу будет веселей.

Загляни напевом в душу,
разогрей ее теплом.
Я готов твой голос слушать,
не жалея ни о чем.

Не скупись на переливы,
на душевные слова.
Заглуши свою пугливость,
дай тебя поцеловать.

Знаю, сердце отзовется
на стремленье нежных чувств.
Песня счастьем обернется
и признанием — хочу.

Прометей

Сын Иапета и Климены,
собрат достойных и всеильных.
Ты знал победы и измены,
и ум божественной Афины.
В людей, что создал вместе с нею,
она с теплом вселила души.
И ты следил за ними с неба,
пытался их любить и слушать.
Послал огонь им в лютый холод,
не убоявшись кары Зевса.
И в тот же миг в скалу был вколот
рукой ретивого Гефеста.
Орел глумился над тобою,
кружил и печенью питался.
Хотелось взвыть от жуткой боли,
но ты в мучениях не сдался.
Геракл пришел тебе на помощь,
и Зевс сменил своей гнев на милость.
И люди вечно будут помнить
тебя с божественною силой.

Осенняя дремота

Первый снег проверил землю,
но укрыть ее не смог.
Знать земля всего лишь дремлет,
продолжая диалог.

Под мелодию поэмки
раздает свое тепло.
Влажный ветер, словно зомби,
подставляет ей крыло.

Но земле не до полета,
ей готовиться ко сну.
И поэтому дремота
не покажет на весну.

Ожидание снега

Скорей бы белым покрывалом
зима укрыла Летний сад.
Прошлась по рекам и каналам,
узором скрасила фасад.

Люблю я добрые картины
писать на снежном полотне.
Не будет в них скупой кручины
по снегом скрытой стороне.

Приятней белое безмолвье —
подарок северных краев,
чем слякоть в местном изголовье
погоды, присланной с югов.

Обними меня, родная...

Обними меня, родная, обними.
Ожиданьем мое сердце не томи.
Загляни в мои уставшие глаза,
они многое пытаются сказать.

В них прочтешь судьбой не смытую печаль
и причину, что сманила меня в даль.
В них увидишь блеск отчаянной любви
и забудешь слово мести — селяви.

Я раскроюсь, как воспрянувший бутон.
подавлю в своей груди душевный стон.
Поцелуем прегрешенья замолю.
Заласкаю, зацелую, залюблю.

Захватив в охапку ветер...

Захватив в охапку ветер,
я покоя не ищу.
Кто-то думает о лете,
я по осени грущу.
Вспоминаю листопады,
что свели меня с тобой.
Как легко с любимой рядом
устремиться за мечтой.
Отыскать в пути надежду,
что таилась вдалеке.
И не странствовать, как прежде,
в одиночку, налегке.
Превратить разлуку в небыль,
понапрасну не страдать.
Вместе с милою на небе
звезды полночью искать.
Но искать совсем немного,
есть приятнее дела.
Зацелую недотрогу,
с кем судьба меня свела.

Хризантема

Востоком данный нам цветок,
златой цветок с душой осенней.
В нем дышит каждый лепесток
с особой нежностью весенней.

В нем есть величие особ
и легкость юности безгрешной.
Вобрал он трепетность красот
в свою пленительную внешность.

К нему с почтением идут
и в нежных одах воспевают.
К любимым бережно несут
и о взаимности мечтают.

Цветок излечивает боль,
несет приятную истому.
Его приветствовать изволь,
ведь вы теперь его знакомый.

Радуга

Немая спутница дождя,
дочурка взбалмошного Солнца.
Она является тогда,
когда земля сыра до донца.
Святая вестница богов —
неугомонная Ирида
по ней спускается без слов,
чтоб скрасить местную планиду.
И зачерпнув живой воды,
несет ее строптивой Гере.
А в благодарность за труды
имеет ключ к священной вере.
Ту веру в радугу вложив,
дает надежду на бессмертье.
Тем самым людям услужив
по нескончаемым поверьям.
И мы, вкусив небесных вод,
мечтаем головы задравши.
Ласкаем взглядом небосвод
и забываем о вчерашнем.

Забвение

Поэт, с забвением обнявшись,
стирает с чистого листа
все то, что ждет его мечта,
и замирает, не дождавшись.

Его оборванную рифму
уже никто не возродит.
Огонь в груди не возгорит
по чуждой воле алгоритма.

Он не решится пригласить
под гул толпы в обитель Музу.
Ему постыдно быть обузой
для тех, кто рэпом голосит.

Для тех, кто тешит ширпотреб,
как шаловливого ребенка.
Его талант стоит сторонке
и гладит скомканный портрет.

Уходит осень...

Уходит осень, птицы улетают.
Стегает ветер голые стволы.
А снег идет и в серой дымке тает,
не долетают звезды до земли.

Не повторить очей очарованье,
что нам золотая осень создала.
И Петербург, обласканный вниманьем,
уже сложил в архив ее талант.

Земля затихла в сонном ожидании,
склонила плети жухлая трава.
Поют деревья томные страданья
и навевают грустные слова.

И я грущу, природе потакая.
Смотрю на небо в поисках зимы.
А снег идет и в серой дымке тает.
Так от тепла порою таем мы.

Черная пятница

Хватало русских лохотронов,
но Запад сунул нам еще.
Стреляет в души без патронов
и бьет под левое плечо.
Бросает кость под видом скидки
и забавляется толпой.
Слюною брызгают агитки,
вещают всем товаропой.
И люди с жажущим оскалом
спешат уменьшить кошелки.
Душевных чувств как не бывало,
делиться с массой не с руки.
В экстазе действуют локтями —
плевать на павшие тела.
Здесь нет понятия — я за вами.
Уйди с пути, пока цела.
Глаза краснеют от наживы,
съедает алчность добрый нрав.
Законь диких в людях живы,
тут кто сильнее, тот и прав.
Смотреть на эту вакханалью
довольно грустно и смешно.
Отсюда следует банальность —
Быть лохом подло и грешно.

Нежное признание

Спадают медленно и скромно
с небес воздушные создания.
Смотрю полет их благородный
и молвлю нежное признание.

Ловлю просительной ладонью
хрусталь, дарованный погодой.
Но дар небесной примадонны
предстал водой теплу угодной.

Ах, это женское коварство
зимы, вернувшейся с гулянья.
Она зовет мороз на царство,
не испросив мое желанье.

Я эту шалость ей прощаю,
спешу обнять задорным слогом.
Любить и нежить обещаю,
склонив колено перед богом.

Родная белизна

Солнце слепит глаза, отражаясь от снега.
Под ногами хрустят позывные небес.
Разлеглась белизна на правах печенег,
захватив в одночасье чисто поле и лес.

Но подобный захват умиляет сознание.
Раскрываются чувства от таких перемен.
Появляется мысль — то мое мирозданье.
Лучезарного юга мне не нужно взамен.

Разве можно сравнить знойный воздух чужбины
с освежающей лаской родимых краев.
Я за пальмовый рай не отдам половины
дорогого покоя, что дает милый кров.

Маслиновым взором дурманят глаза...

Маслиновым взором дурманят глаза.
Я в них нахожу отражение юга.
Ответным желаньем хочу показать,
что мне некомфортно в позиции друга.

Что я не хочу быть лакеем на час
иль страстным любовником только на время.
Готов я любить без конца в этот раз
и с честью нести богом данное бремя.

Но Вы не даете любовь доказать
и ждете с истомой другую услугу.
Маслиновым взором дурманят глаза.
Я в них нахожу отражение юга.

Пришла зима

Пришла зима, и для влюбленных судеб
настало время сбывшейся мечты.
Пора свиданий ночью не убудет,
не разведутся невские мосты.

А если вдруг подобное случится,
удержит лед носителей любви.
За безопасность ангел поручится,
он охраняет целостность Невы.

Пушистый снег укроет все невзгоды,
что с листопадом осень принесла.
И восхитятся свадьбы Новым годом.
Зиме за то особая хвала.

Мороз над Невой

Ноябрь укрыло белым покрывалом.
А вместе с ним осеннюю красу.
Зиму накликал ветер — зазывало,
в снях оставив юную весну.

И горизонт небесной синевою
благословил морозные деньки.
Мороз уже разлегся над Невой
и создает ледовые буйки.

Но нелегко стреножить горделивость
реки, что нежно любит Петербург.
Она стремится к Финскому заливу,
лишь на чуть-чуть замедлив быстрый спурт.

Наступят дни, ледовые торосы
покажут норы питерской реки.
Ну, а пока серебряная россыпь
и водный пар в морозные деньки.

Полати

Гвоздем программы печь в избе,
к теплу тесниной льнут полати.
Влезай на печку, не робей.
Твоя затея будет кстати.

Ах, сколько тайн шепталось там.
Ах, сколько ладилось секретов.
Хватало места и мечтам,
и непредвиденным советам.

Там кот ложился под бочек
и до беспамятства мурлыкал.
Делился песнею сверчок
пока вниманье не накликал.

И там за ситцевой межой
уютно было и покойно.
Был мир размером небольшой,
но справедливый и законный.

Моя звезда...

Моя звезда зажглась на небесах.
Я озарен ее бесценным светом.
Иду на свет с улыбкой на устах,
чтоб одарить волнующим сонетом.

Моя судьба в сиянии звезды.
Я обречен, когда она померкнет.
Прочтет ли мир душевные труды,
иль новый век мои стихи отвергнет?

Но время есть, пока звезда горит,
я буду петь осанну светлой жизни.
Я буду рифмой правду говорить,
неся добро в казну моей Отчизны...
...Моя звезда зажглась на небесах.
Я озарен ее бесценным светом.

Прошу я бога...

Прошу я бога каждый день.
Не за себя, а за Россию.
Пусть не накроет ее тень.
Пусть так и будет небо синим.

Она не сможет пережить
лавину новых потрясений.
Тех, что нам Запад ворожит.
Тех, что внутри вонзились в вены.

Опомнись, русский человек.
Не потакай враждебной своре.
Несет беду ее совет.
Ее услуга пахнет горем.

Куст красной розы

На белоснежном полотне,
что приготовил зимний день,
куст красной розы выделялся.
Он не погиб, а только сжался.
Мороз по-свойски расстарался,
вложив в его бутоны звень.

Блудливый ветер эту звень
нес по округе на крыле,
но ей никто не восхищался.
Зиме прохожий отдавался,
на зов цветка не откликался,
не зная, что же дать взамен.

Путешествие в зиму

С приходом ветреной зимы
вдыхаю буйный дух метели.
Взираю прелесть белизны,
что выдать ангелы успели.

Укрыло белым полотном
мое земное бездорожье.
Оставив леность на потом,
иду по снегу осторожно.

А впереди дремучий лес
в пушисто-солнечном убранстве.
Сдается, множество чудес
таится в сказочном пространстве.

Хоть я не верю в чудеса,
но тянет к лесу, как магнитом.
И вот уж ель — моя краса,
волшебным инеем увита.

А рядом милою гурьбой
березки сучьями сцепились.
Зовут белянки за собой,
как будто в зимушку влюбились.

И я влюбился в этот мир
с еще не тронутым безмолвьем.
Прими меня, я не сатир,
а властелин душевной воли.

Я буду петь тебе хвалу
и восхищаться звонкой рифмой.
С младою Музой на балу
озвучу снежных звуков ритмы.

Счастье сыплется с небес...

Счастье сыплется с небес
белое пушистое.
Очень легкое на вес,
но предельно чистое.

Я ловить его спешу,
требую внимания.
Жду, подобно малышу,
с трепетным желанием.

Обращаюсь я к пурге —
сыпь мне счастье с рвением.
Только счастье на руке
тает за мгновение.

Святой Георгий

Великомученик и признанный герой,
семь дней пытаемый правителями Рима.
Отдавший жизнь свою за веру и покой.
И эта вера для людей неистребима.

Боготворит тебя российская земля
как символ стойкости и верного служенья.
Ты в озарении московского Кремля
и в храмах Родины в святом изображений.

Сияешь орденом за воинскую честь
ты на груди у победителей фашизма.
С великим именем побед не перечешь.
Служи и дальше ты стране во имя жизни.

Об авторе

Автором изданы десять поэтических сборников: «Небо надежды», «Альтруистическая рифма», «Откровения русской души», "От одиночества", "Как жить?", "Жизненные отголоски", "Россия, матушка моя", "Страницы лет перебирая", "Крестики, да нолики", "Мыслительные дебри" и четыре романа: «Непредсказуемость судьбы», "Жизнь без купюр", "Любовные похождения Меченосца", "БИ", а также два сборника рассказов: "Жизненные откровения" для взрослых и "Дорогие наши малыши" для детей. Готовится к выходу одиннадцатый сборник стихов. Кроме того, в 2012 году издана книга по брендингу "От торговой марки до бренда по-русски". Петербургскими композиторами на некоторые стихи были написаны песни. Мои сайты: www.skripkin.ru www.detkiss.com - на этих сайтах я ежегодно организую детский литературный конкурс чтецов с вручением победителям дипломов и подарков.

Оглавление

На небо смотрю я с надеждой...	3
В мыслях о былом	4
Всего лишь робкие лучи...	5
Добрый непокой	6
На детской площадке	7
Три секунды	8
За полярным кругом	9
Частушки	10
Завывание ветра	11
Мой каприз	12
Пару вкусеньких конфет	13
Веселящий снег	14
Предвидение	15
В объятьях веры	16
Стоит солнцу выйти в свет	17
Уводит в осень листопад	18
Черный пристав	19
Кармен	20
Пушистая зима	21
Затаенные черты непогоды	22
Ах ты, зимушка-зима	23
Сладкие обещания	24
Бесправие	25
Пагубное услужение	26
Снежная баталия	27
Разговор с ветром	28
Испытание любви	29
Что за жизнь у нас настала	30

Жизнь чертовски интересна	31
К малой родине	32
Смотрю на неба синеву	33
Разговор о любви	34
Я в березовый шелест уйду... ..	35
Скорбь гитары Высоцкого	36
Мне больно видеть	38
Испытание блокадой	39
Последнее слово памятника	40
Зимние мечты	41
Ветерок — мой лучший друг	42
Метель	43
Мелодия вальса	44
Судьба назначила мне срок	45
Глухой наполовину	46
На невском берегу	47
Букет для мамы	48
Я — сын земли... ..	49
Ночной визитер	50
Пожелтевшая тетрадь	51
Безбрежность моря	52
За забавами в лес	53
Женщине с дитем под сердцем	54
Прогулка по Неве	55
Мороз в феврале	56
Волнение души	57
Розовый рассвет	58
Картинки из вагонного окна	59
Робкое дыхание весны	60
Предвыборная мишура	61
Любимой женщине	62
Начало весны на заливе	63

Радуга	64
Размышления Земли	65
На качелях	66
Весна и ветер	67
Выборы	68
Внучкина болезнь	69
Дарованная участь	70
Невинным жертвам	71
Огненные сны	72
В ожидании тепла	73
Солнечный кораблик	74
Не стреляйте в меня глазками... ..	75
Ночной ветер	76
Клубок воспоминаний	77
Весна — пугливая шалунья	78
У ручейка	79
Некалка	80
Приход весны	81
Весеннее звучание	82
Весенняя благодать	83
Ночные сумерки	84
Храните жизнь	85
Наша кровь	86
Русская душа	87
О счастье	88
Село Иваново	89
Пятигорск	90
Эльбрус	91
Березка	92
Место дуэли Лермонтова	93
Белые акации	94
У вечного огня	95

Июньская осень	96
Сюжеты из прошлого	97
Подленькое превращение	98
Лжепатриот	99
Храни меня... ..	100
Ах, как красивы... ..	101
Небесный художник	102
Воспоминания о любви	103
Футбольная радость	104
Глаза в глаза	105
Не нужно... ..	106
Унисон	107
Залетный ветер	108
Футбольная волна	109
Отгулял я нынче... ..	110
Новое рождение	111
Июльский зной	112
Мона Лиза	113
Быстротечное лето	114
Какая прелесть это лето	115
Неугомонная душа	116
Наше поколение	117
Я многое отдам... ..	118
Святая женщина моя	119
Взбалмошное солнце	120
Жара	121
Я ухожу в березовую рощу	122
Приглашение в осень	123
Ангел-хранитель	124
В Михайловском саду	125
Невская регата	126
Я август тороплю... ..	127

Моей душе легко сегодня	128
Клубок сомнения	129
Ревность	130
Единственная	131
Прощальные деньки	132
В предвкушении осени	133
Как же было хорошо	134
Подлизы	135
Тюря-Муря	136
Гильдьяй-Шалопай	138
Две судьбы	140
Дыханье осени	141
Осенняя песня	142
Внучкины гости	143
Памяти Владимира Раевского	144
Золотой век	145
У фонтана	146
Улыбайся... ..	147
Черная белка	148
У ручья	149
Летнее продолжение	150
Бабье лето	151
Питие мое	152
Мамина болезнь	153
Ворона и чайка	154
Сила жизни	155
Ночная гроза	156
Туман в Петербурге	157
Бабочка	158
Не будь равнодушным	159
Младая осень	160
Родная армия	161

Осенняя хмарь	162
Надежда никогда не умирает	163
Время серое	164
Право осени дождливой	165
Благоденствие Земли	166
Осенний вальс	167
Святой человек	168
Неизбежность осени	169
Небесная синь	170
Письмо на Запад	171
Погибшему экипажу Ил-20	172
Старый клен	173
В честь простого русского парня	174
Денежные страдания	176
Вовка — хулиган	177
Про картошечку	178
Осень загрузила	179
Твоя слезинка	180
Игорю Талькову посвящается	181
Разговор двух старушек	182
Осенние раздумья	183
Я будто заново родился	184
Прощение о любви	185
Прощанье с осенью	186
Серых красок осень набросала	187
Тропка осени	188
Плоды перестройки	189
Бой под Кандагаром	190
Небо синее	191
Святое право	192
Потускнело золото у осени	193
Не трогайте святое...	194

Благодарение	195
Памяти погибших в Керчи	196
Ангелочек	197
Желто-красная осень	198
Серая морось	199
Коварный гость	200
Каток репрессий	201
Под мелодию Вивальди	202
Предсмертный монолог	203
Ингерманландия	204
Осенний снег	205
Первый мороз	206
Женский образ	207
Поздняя осень	208
Жизнь прекрасна...	209
Извечная проблема	210
Пленительное танго	211
Русская тройка	212
Мелодия ромаса	213
Родился новый человек	214
Умов в России мириады	215
Любви цветное мирозданье	216
Ноябрьские ожидания	217
Открытие Колумба	218
Русский самовар	219
Тепло твоих волшебных рук	220
Пой, мое очарованье	221
Прометей	222
Осенняя дремота	223
Ожидание снега	224
Обними меня, родная...	225
Захватив в охапку ветер...	226

Хризантема	227
Радуга	228
Забвение	229
Уходит осень...	230
Черная пятница	231
Нежное признание	232
Родная белизна	233
Маслиновым взором дурманят глаза...	234
Пришла зима	235
Мороз над Невой	236
Полати	237
Моя звезда...	238
Прошу я бога...	239
Куст красной розы	240
Путешествие в зиму	241
Счастье сыплется с небес...	242
Святой Георгий	243
Об авторе	244

Георгий Скрипкин

Захватив в охапку ветер